

Нина Николаевна Берберова
Люди и ложи. Русские масоны XX столетия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132036

Люди и ложи. Русские масоны XX столетия.: «Прогресс-Традиция»; Москва; 1997
ISBN 5-89-493-008-1

Аннотация

Книга создана на основе уникальных архивных источников. Она содержит историю русских лож в XX столетии, описание масонских ритуалов, толкование специальных терминов, биографический словарь русских масонов. Особый интерес представляет раздел, в котором впервые приведены воспоминания и переписка ведущих политических деятелей России начала века, связанные с историей масонства.

Остро и увлекательно написанная книга Нины Берберовой адресована не только специалистам-историкам, но и всем читателям, интересующимся этой темой.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Глава первая	10
Глава вторая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Нина БЕРБЕРОВА

ЛЮДИ И ЛОЖИ

Русские масоны XX столетия

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мой интерес к русскому масонству начался в тот день, когда началось мое личное знакомство с русскими масонами, не потому что это были исключительные люди, а потому что они были люди исключительного времени и играли в нем исключительную роль.

Книга эта написана не только для специалистов, но и для рядового интеллигентного читателя, знающего, что такое Февральская революция, кто такие – «союзики», и кто заключил сепаратный мир с Германией со стороны России, закончив таким образом Первую мировую войну. Имена масонов откомментированы в Биографическом словаре; о не-масонах сведения даны либо в самом тексте, либо в примечаниях. Действующие лица принадлежали к поколению моих родителей, т.е. родились между 1860 и 1880 гг. Личного знакомства до отъезда из России у меня с ними не было, и быть не могло, но имена их звучали для меня привычно еще в ранние годы. Я далека от намерения сравнивать собственное детство с детством Набокова, который, через своего отца, знал тех, кто так или иначе имел касательство к Государственной Думе или кадетской партии. М.М. Винавер и И.В. Гессен звали его Володей, и он буквально вырос на коленях у Родичева и Петрункевича. У нас в доме бывал единственный член Думы и ЦК кадетской партии, М.С. Аджемов, товарищ моего отца по Лазаревскому институту Восточных языков (за час до его прихода меня предусмотрительно гнали спать). После этих званных вечеров, раза два в год, утром еще пахло аджемовской сигарой, когда я уходила в гимназию. А также иногда в неурочный час, около десяти вечера, заходил ночной гость – известный кооператор со странным именем Вахан Фомич Тотоминанц, с торчащими из ноздрей и ушей золотистыми пучками вьющихся волос.

С материнской стороны были менее почтенные экземпляры прошлого, вернее, позапрошлого поколения, троюродные братья бабушки: В.Н. Коковцев и зловещей памяти министр внутренних дел П.Н. Дурново. Тяжелое было наследие! Я понимала, что гордиться мне ими не приходится, особенно вторым. Я их никогда не видела, потому что они не бывали не только, разумеется, у нас, но и у бабушки: дедушка Караулов был тверской земец, и водился с непочтенными тверскими либералами. Его друзья не встречались с ее родственниками, о которых никогда в доме не упоминалось, когда собирались «тверские вольнодумцы» – Корсаков, Колюбакин и другие. Недавно, работая в одном архиве в США, я наткнулась на пачку бумаг дочери Родичева, Анны Федоровны, умершей в 1930-х гг. в эмиграции, в Швейцарии, – большую часть своей жизни она прожила в доме дочери Герцена, Наталии. В одной из папок оказались записки ее матери, жены Федора Измаиловича, и в них было рассказано, как глубокой ночью 1 марта 1881 г. к ним на тройке со станции в метель прибыл петербургским поездом И.Д. Караулов с ужасным известием «о злодейском убийстве государя». Этим вестником был мой дед.

Мои личные знакомства с масонами начались уже в Париже, в середине 1920-х гг. Мы шли гурьбой с какого-то литературного собрания, и М.А. Осоргин, отстав от других, признался мне, что в Париже недавно восстановлена московская масонская ложа, и он не помнит себя от радости. Почему? Да потому что он – неверующий человек – ужасно любит всякие ритуалы и считает, что каждому человеку они необходимы: они дают чувствовать общность, соборность, в них играют роль всякие священные предметы, в них красота и иерархия.

Таков был мой первый контакт с русским масоном.

Постепенно я стала привыкать к тому, что после позднего сидения в каком-нибудь парижском кафе, когда все расходились по домам, Бунин говорил: «Обедать? В четверг? Но Алданов никогда не может в четверг. Давайте лучше в пятницу. По четвергам он лежит в гробу, на rue Cadet, и вокруг него происходит какой-то таинственный обряд, вы же знаете!» Или мой дядя, бывший директор Учетно-ссудного банка в Ростове-на-Дону, спрашивал меня, знакома ли я с Маклаковым: «Я имел удовольствие (или он сказал «честь»?) познакомиться с ним недавно в одном месте, за ужином. Высокого ума человек!»

Очень скоро, однако, я поняла, что кроме четвергов, есть еще вторники, уже не на улице Кадэ, а на rue de l'Yvette. Ходасевич посмеивался: Ишь ты! Два вечера имеют свободными в неделю, отдых от семейного счастья. Каждому лестно!

Александр Иванович Коновалов был председателем правления газеты «Последние новости», где я 16 лет работала: печатала рассказы и даже стихи, кинокритику, хронику советской литературы, иногда – репортаж, а летом заменяла уехавшую в отпуск машинистку. Когда с НВМ, моим вторым мужем, мы купили перед войной маленький деревенский дом под Парижем, Коновалов приезжал к нам по воскресеньям с Анной Фердинандовной, своей второй женой; я однажды спросила его, когда мы были одни, как он чувствует себя, когда надевает свой передник и стучит молотком три раза по «алтарю»? В это время я уже понимала, что девять из десяти образованных, интеллигентных (преимущественно – столичных) людей, среди которых мы жили, – масоны. Но А.И. в ответ на мой вопрос сделал каменное лицо (ему это было легко, оно у него было малоподвижно), и не произнес ни одного слова.

В начале 1930-х гг. я была приглашена в «Аврору» – смешанную ложу, где были и женщины, и мужчины, и позволялось приводить гостей. Женщины играли в «Авроре» первенствующую роль. Строгостей там было меньше, чем в ложах других «Послушаний». Я знала двух «сестер» – приезжавшую из Лондона к сыну в Париж А.В. Тыркову, члена к.-д. партии, когда-то писавшую в «Речи», и Евдокию Нагродскую, автора популярного и «рискованного» (как тогда говорили) романа «Гнев Диониса»; она, между прочим, была дочерью Авдотьи Панаевой (гражданской жены Некрасова) и в Петербурге дружила с поэтом М.А. Кузминым. Нагродская приняла меня очень тепло. Она после этого еще два-три раза приглашала меня, но скоро увидела, что в ложу входить я не собираюсь. Ни она, ни Тыркова не изменили ко мне своего доброго отношения.

В это же время, или несколько позже, некоторые из моих сверстников, поэтов и прозаиков, были посвящены в русские ложи. Но серьезный интерес во мне не просыпался. Я в те годы работала над биографиями П.И. Чайковского и А.П. Бородина, писала рассказы. Началась война. Меньше чем через десять месяцев Париж был взят немцами, и от прежней жизни остались одни клочья, которых не только нельзя было собрать и привести в порядок, но и не хотелось этого делать.

Здание на улице Кадэ было внутри частично разрушено, священные предметы затоптаны сапогами, библиотека частью сожжена, частью вывезена, и имена «братьев» распубликованы в печати. В списках было приблизительно (на глаз) 9.000 имен французских масонов, и так же на глаз можно было определить один процент имен русских, польских, литовских, еврейских, грузинских и армянских. Большинство этих людей было уже вне Парижа, в «свободной зоне». Эта зона перестала существовать в 1942 году.

Русские масоны были арестованы в июне 1941 г., когда Германия начала войну с Россией. Средний возраст их теперь был 65-70 лет. Оккупанты выловили их с помощью русских нацистов, работавших с немцами. Их продержали несколько месяцев и постепенно выпустили. Многие позже были арестованы вторично и депортированы как «социалисты» и «евреи».

Через неделю после прихода союзников, в начале сентября 1944 г., я вошла в открытые двери здания «Великого Востока» на Кадэ. Всякий мог теперь войти и взглянуть на то, что было сделано с этим центром французского масонства. Потом начался ремонт. И я стала думать о том, что, может быть, мне суждено... не написать книгу, я тогда не думала о книге – но составить каталог имен. И в 1950 г., приехав в США, я начала медленно, не рассчитывая когда-нибудь довести дело до конца, заносить на карточки «каталога» в алфавитном порядке имена. В конце 1950-х гг. я встретила Г.Я. Аронсона, меньшевика младшего поколения, сотрудника «Социалистического вестника». У меня в это время было около ста имен. Ни структура организации, ни ее история, ни ее Мировые Конвенты и чины (или степени) меня тогда не интересовали. Я искала имена, я искала людей. Мне нужны были три русских поколения.

Первое поколение – средний возраст 80 лет – я знала. Это были участники Февраля. Их осталось очень мало. Второе поколение (в возрасте 50-60 лет) было хорошо знакомо мне, я сама приближалась к нему. У братьев третьего поколения, видимо, не игравших никакой роли в восстановлении «Послушаний», и крайне малочисленных, к масонству не было особого интереса. У меня в каталоге было теперь около двухсот имен, из них около ста были мне лично знакомы.

Г.Я. Аронсон, как и Н.В. Вольский (никогда не бывший масоном), сыграли некоторую роль в моей работе. У меня в архиве около ста писем Вольского, и в его архиве, вероятно, моих несколько меньше. Я виделась с Л.О. Дан, с А.В. Тырковой (в Париже и Нью-Йорке). Я замечала, что тайн становится с каждым годом все меньше; на французском, английском и немецком языках теперь начали выходить книги – молчание было нарушено, и обратного хода этому процессу не было. В специальных энциклопедиях, выпущенных в 1960-1970 гг., каждый может прочесть теперь и узнать все, что ему надо: обряды, специальный масонский словарь терминов, роль масонства в наше время, и имена... Это означает только одно: масонство, каким оно было в течение 900 лет, было убито. Но, разумеется, о русском масонстве и о его роли в последние шестьдесят лет ничего написано не было. И на русский, из иностранных статей и книг, ничего не переводилось.

В 1966 г. в одной из периодических публикаций я нашла первую статью о русском масонстве нашего столетия, написанную бывшим масоном: Борис Элькин, в лондонском «Славоник Ревью» (июль 1966, № 34, с. 454-472), видимо, подчиняясь новым веяниям, дал сведения о тайном обществе в спокойном и беспристрастном изложении. Вскоре за этим в американском «Славик Ревью» (декабрь 1968, № 27) появилась статья «Роль русского масонства в Февральской революции», за подписью Натана Смита, профессора новейшей европейской и русской истории (Вашингтон-Колледж, Честертаун, штат Мэриленд). Я написала ему письмо, мы встретились, и после того, как мы увидели, что мы оба заняты одной и той же темой, но с разных сторон подходи к ней, мы стали осведомлять друг друга о наших открытиях. А их в это время было немало.

Наконец, по его инициативе было написано письмо, которое мы размножили и послали в крупные книгохранилища Европы (включая Германию). Ответ через шесть месяцев пришел из Парижа. Нам сообщалось, что русский масонский архив, с 1922 по 1970 год, цел, и доступ к нему будет нам предоставлен, если мы хотим заняться им. Мы выехали в Париж, и когда я вернулась домой, у меня было уже не 220 карточек, а 660.

С этого времени я начала работать над книгой, которую теперь предлагаю читателям. Материал четырех тяжелых ящиков мы с проф. Смитом разложили в 17 нормальных коробок и сделали каталог всех фондов на двух языках, разложив в алфавитном порядке личные бумаги в тридцать папок. Этот архив, как нам сказали, был вывезен накануне падения Парижа сыном известного хирурга, русского эмигранта. Он вернул его не так давно. Никто

никогда не вскрывал ящиков, – в этом мы были убеждены, так как пыль на них была в два пальца. Больше я ничего не могу сказать о чудесной судьбе этого архива.

Зимой 1983 г., после того как мною было прочитано около 300 книг, список которых приложен в Библиографии, был готов Биографический словарь, основа книги. Я уехала в Калифорнию и там, в архиве Герберта Гувера, в Станфорде, работала над коллекцией Б.И. Николаевского (более 250 фондов), в бумагах каталогизированных и, особенно ценных, некаталогизированных, поступивших только за год до этого, после смерти АМ. Бургинной, многолетней сотрудницы Бориса Ивановича. Из 35 ящиков 18 относятся к архиву В.А. Маклакова и 10 – к архиву Н.В. Вольского. Из 27 корреспондентов Маклакова две трети принадлежали к масонским ложам, – о них читатель прочтет в разделе «Архивные материалы», в конце этой книги.

Постепенно читателю станет ясно, что масонство нашего столетия объединяло великих князей Романовых и социал-демократов, генералов царской Ставки и членов Государственной Думы «прогрессивного блока», людей, известных в свое время всей России, и людей, имена и отчества которых (но не фамилии) остались никому неизвестными, и ни в «бархатных книгах» русского дворянства, ни в старых телефонных справочниках Москвы и Петербурга найти их мне не удалось.

Несколько слов о том, как выглядят рукописные материалы в архивах Гувера. За малыми исключениями, люди, родившиеся в прошлом веке, писали исключительно неразборчиво: были адресаты Маклакова, которые отсылали ему его письма, чтобы он им их переписал, были другие, которые сообщали ему, что ни строки не поняли в его письме и привезут ему это письмо на будущей неделе, чтобы он им его прочел. Дневник Маклакова, который он вел с лета 1917 г. до 1924 г., неразборчив на 80%, иногда непонятно даже, на каком языке написаны отдельные страницы – на русском или французском. Керенский, из-за близорукости, писал на машинке почти так же неразборчиво, как и рукой. Записка Кандаурова, видимо, не была перечтена им, и вместо запятых всюду поставлен какой-то загадочный знак – таково было свойство его Ундервуда. Дат на письмах нет, и только по содержанию можно догадаться, в каком году писалось данное письмо. Подстрочное примечание в письме отсылает нас к крестик, но крестика в тексте нет, так что фраза примечания «он вошел в ложу в таком-то году», несет в себе загадку: о ком идет речь? Что касается собственно содержания, то очень часто оно просто неверно: парижский издатель Поволоцкий присутствовал на похоронах собрата по ложе через год после того, как был похоронен сам. Что касается писем масонов друг к другу, то среди них имеются бесспорно очень важные и интересные, но попадаются и совсем бессмысленные, напоминающие письмо Ваньки из чеховского рассказа: «на деревню дедушке».

Прежде чем закончить это предисловие, я хочу назвать дополнительную причину написания и издания этой книги: она касается зловещих и, по существу, лживых данных о масонстве, которые до сих пор распространяются об этом тайном обществе, и измышлений, которые могли возникнуть только в мозгу слабоумного кретина.

Первые идут из крайне-правых кругов эмиграции. Третье поколение, которых враги называют «православные неонацисты», повторяют старые бредни о «жидо-масонстве», во главе которого стояли Троцкий и Ленин. Это «тайное общество» погубило Русь и убило царя (кстати, в 1981 г. церковь этой группировки канонизировала Николая и его родственников).

Вторые (на территории Советского Союза) сводятся к тому, что масоны – это нацисты, Кайзер Вильгельм II, Гитлер и царские генералы, и все они хотели погубить «российский пролетариат». В газете «Голос Родины», № 32, 1981 г., напечатан отрывок из романа «Негромкий выстрел» некоего Иванова. Достаточно сказать, что герой его «высокой степени масон», – а именно третьей (высокая степень – 33-я), и что он «входит в небольшой флигелек, поднимается на второй этаж и попадает в просторный зал, где сидят 25 масонов». Вся

эта галиматъя подается, как шедевр, и тут же объявляется о выходе в свет другого масонского романа, «Ложи лжи», в издательстве «Молодая гвардия».

Обе эти позиции по отношению к масонству напоминают мемуары Симоны де Бовуар, которая писала о себе и Сартре: «Да, мы слышали, что Сталин не совсем то, чем он воображался нам в 1940-х гг., – не величайший человек XX века. Но сейчас нам уже поздно пересматривать свои суждения»... Ходасевич когда-то писал: «Счастливы те, у которых враги, которых они могут уважать!»

Я выражаю мою глубокую благодарность Парижскому архиву русского масонства в лице Андре Дорэ и Флоранс де Люси, давших мне возможность найти все, что мне было нужно, в недрах отдела рукописей и сделать нужные мне фотокопии.

Я выражаю такую же благодарность архиву Герберта Гувера и помогшим мне Чарлзу Пальму и Рональду Булатову, а также Елене Даниэльсон и всему штату архива, где для меня не оказалось ничего запретного, и где я узнала вещи, которых нигде в другом месте не могла бы узнать.

Третье место, где мне было оказано теплое гостеприимство, был Центр Вудро Вильсона в Вашингтоне, где я встретила специалистов по истории России 1905-1920 гг. Идеальные условия работы мне всегда кажутся щедрым даром судьбы, а встречи и разговоры с людьми, которые всю свою жизнь посвятили своему предмету, как проф. Джеймс Биллингтон, Питер Реддауэй, Герберт Эллисон, дали мне возможность кое-что уточнить и кое-что переоценить. Барбара Даш помогла мне с моим докладом.

Чувство благодарности я сохраняю к «первому масонологу», проф. Натану Смиту, с которым мы вместе делали открытие за открытием в Париже, радовались находкам, страдали от неразборчивости почерков, ища ответы на вопросы и находя их.

Материалы архива А.Ф. Керенского оказались доступны для меня и проф. Натана Смита благодаря любезности Исследовательского Центра Гуманитарных наук Техасского университета в Остине.

Упомяну, что проф. Ричард Уортман (Принстонский университет) прочел некоторые части этой книги в рукописи и дал мне несколько советов, которым я последовала, признательная за его дружеское внимание, и что проф. Александр Рабинович (Индиана) оказал мне незаметную, но для меня чрезвычайно важную услугу, которая никогда не уйдет из моей памяти.

Что касается до главного редактора издательства «Руссика», А. Сумеркина, то работая вместе с ним над окончательной редакцией текста, я оценила тщательность его работы и тонкость его замечаний, и я рада, что судьба свела меня с таким внимательным, чутким и знающим человеком.

Внимание тех читателей, которые найдут, что мною сказанного недостаточно, и которым хотелось бы знать больше, я хочу направить на недавно вышедший справочник русских архивов в американских книгохранилищах и частных коллекциях. Стоит заглянуть в эту огромной ценности и интереса книгу (Guide: Russian Empire and Soviet Union. Ed. by J. Brown and S. Grant. Hall, 1981). Благодаря тому, что в архивах США ежегодно «раскрепощаются» старые документы, в свое время закрытые на 20, 30, 50 лет, эта книга отвечает на многие вопросы истории. Запреты снимаются тем больше, чем ближе подходит 21 век.

В то же время необходимо помнить, что сами масоны, в их устной передаче прошлого, в их переписке с «профанами» и – особенно – в их редких и не внушающих полного доверия «мемуарах», написанных небрежно и спустя много лет после случившихся событий, слишком часто пользуются своим тайным правом в исключительных случаях прибегать ко «лжи во спасение», к тому «освобождению от обетов» (dispensation), которое дается каждому масону, начиная с 3-го градуса, как особая привилегия: его священное право отрицания реального факта. Но здесь мы приходим к естественному и бесспорному выводу: кос-

венное показание, а еще лучше, когда их два или три, дают историку больше, чем показания самих братьев тайного общества, с его индульгенцией – неотъемлемым правом делать бывшее небывшим, то есть правом узаконенной лжи.

Глава первая МАСОНЫ В РОССИИ

В подзаголовке этой книги – «Русские масоны XX столетия» – полностью отражено ее содержание: оно говорит о том, что речь пойдет не о мировом масонстве, ведущем свою родословную от св. Тибальда (1017-1066) к розенкрейцерам, тамплиерам и иллюминатам, и не о масонстве Пьера Безухова: в 1822 году Александр I приказал закрыть тайные общества, а через три года, после Декабрьского восстания, масонство было запрещено. 80 лет, которые прошли с тех пор, прежде чем в России возродились масоны, требуют отдельного комментария, и это – дело историка. Эта книга написана не историком, но современником русского масонства XX века, когда оно возникло среди цензового городского населения России, в начальный период индустриально-технической эпохи европейского континента. Мощный рост буржуазии, появление новых производственных отношений, явления, обусловленные механизированным прогрессом, новые изобретения, изменившие мир – электричество, фотография, телеграф, телефон, автомобиль, пулемет и аэроплан – между 1880 и 1914 гг. с гигантской силой и неслыханными темпами меняли мир, в котором до того жили наши предки.

Сначала все эти явления почувствовались в двух столицах, затем – в провинциальных городах. Возрождение масонства в России было вызвано тремя важными событиями: поражением России в японской войне, революцией 1905 г. (и открытием русского парламента) и буйным ростом интеллигенции, вопреки всем запретам и препонам. Этот рост шел рука об руку не только с ростом буржуазии крупной, но и мелкой, которая, как и интеллигенция, «нажимала» на все стороны русской жизни: на запреты царя, помазанника Божия, на закрытие университетов, на торможение сессий Думы, на удушение мысли, на опоздание во всем, что касалось материального и умственного прогресса населения и равенства его перед законом. Я говорю здесь не о революционерах, бросавших бомбы в министров, но о тех, кто был решительно против революции и только хотел перемен. Желания их были очень скромны, и сейчас нам, их потомкам, они кажутся минимальными: допущение общественных деятелей, центристов Думы (их тогда называли «общественниками») к управлению страной, земельная реформа, работа Думы в законе установленных рамках, рабочее законодательство, распространение грамотности. В огромном большинстве люди между 1906 и 1916 гг. вовсе не искали коренных перемен, они искали мирного обновления страны, а когда видели, что дела на верхах идут как раз в обратную сторону, они уезжали на время в свои поместья, отдохнуть и осмотреться, а некоторые – «к себе, в Париж», или на Ривьеру, лечить нервы. Именно так чуть раньше и поступил профессор Максим Максимович Ковалевский, которого враги называли «генералом на купеческих свадьбах». Судя по его фотографиям, они были недалеки от истины. Царское правительство в лице министра внутренних дел его обидело, запретив ему читать лекции в петербургских и московских высших учебных заведениях. В Париже он принадлежал к кругам, где ценилось его красноречие, – он, как многие люди его круга, был двуязычным. В 1901 г. он там открыл, с помощью своих друзей, «Русскую школу общественных наук» и читал в ней лекции. Его специальностью было конституционное право, и среди его студентов был, между прочим, молодой Луначарский, которого проф. Ковалевский отличал и считал «поборником свободы и демократии». Кроме всего, Ковалевский был масоном, «братом» французского «Великого Востока».

Он обедал и ужинал среди других блестящих говорунов, тоже людей из общества, превыше всего ценивших заветы французской революции: свободу, равенство и братство. Во Франции они боролись, главным образом, речами и статьями, против угнетения страны като-

лической церковью и жадными потомственными грансеньерами, у которых на семь человек семьи часто бывало около 90 человек прислуги (включая, конечно, конюхов и садовников). Они боролись и за другие, весьма достойные идеалы, дорогие сердцу Ковалевского и его друзей.

В самом начале 20 века во Франции церковь наконец отделили от государства, и монастырские земли были отобраны. Это был праздник для либералов. Так что «свобода» в какой-то мере прогрессировала, «братство» тоже процветало: оно давалось им в ложах тайных обществ, где каждый назывался «братом», или «досточтимым братом», а иногда даже «дорогим» и «премудрым». О равенстве хлопотали меньше: равенства в широком смысле, конечно, не было и быть не могло, но равенство в узком смысле (перед законом), как оно понималось во Франции, на 50 процентов существовало, – если исключить из состава населения нищих, бродяг, безграмотных и женщин. Это показывало русским гедонистам-либералам, что в какой-то мере равенство в современном государстве возможно.

Ковалевский был введен в масонскую ложу в Париже, видимо, еще в конце прошлого века. Париж, после крушения Второй Империи, кишел тайными обществами. Русские нередко принадлежали к ним, начиная еще, впрочем, с 1860-х гг., когда И.С. Тургенев вступил в одно из них. Об этом факте мне удалось узнать случайно, он неизвестен литературоведам, биографам и комментаторам Тургенева, – во всяком случае, был неизвестен им, когда в 1960-х гг. в Москве вышло полное собрание писем Тургенева. Я узнала о нем из переписки вел. кн. Николая Михайловича (дяди царя)¹ с его парижским другом, историком Фредериком Массоном, где я нашла название тайного общества, в котором оба друга были членами. В этом обществе за все время его существования (оно закрылось в 1920-х гг.) состояли только двое русских: Тургенев (до самой своей смерти в 1883 г.) и Николай Михайлович, вступивший в него в начале 1890-х гг. Оно называлось «Биксио», и в примечаниях к письмам Тургенева советские литературоведы признавались, что им «не удалось расшифровать, кто это». Я послала в музей Тургенева в Орле ксерокопии этой переписки.

К началу 20 века французское масонство состояло из 4-х отдельных Послушаний. Это слово иногда в русских масонских документах переводится, как Устав, или не переводится вовсе. Так, в переписке М.А. Алданова с В.А. Маклаковым Алданов пользуется французским словом *obedience*, которое не переводит. Послушания были: «левое», «правое», «среднее» и «крайне правое». Это последнее, так называемая «Великая Французская Национальная Ложа», нас не касается: иностранцы туда не принимались. До 1912 г. оно существовало в мирном сожительстве с другими тремя, когда в Париже, где заседал Масонский Верховный Совет, начались осложнения. Судя по тому, что пишет историограф Национальной Ложи А. Меллор, все острые конфликты происходили на почве отношения масонства к религии. В храме, на столе («алтаре») Великого Мастера Национальной ложи, председателя и «Держателя Первого Молотка», лежала Библия, открытая на первой странице Откровения Иоанна Богослова. В трех других послушаниях этого не было.

Так называемое «правое» Послушание, Великая Ложа Франции (*Grande Loge de France, GLDF*), узаконенная в 1894 г., в сущности, не может быть названа по-русски «правой», скорее – умеренной. Она отличалась от так называемого «левого» Великого Востока (*Grande Orient de France, GODF*) немногим: в ней состояли либералы, а не радикалы, степеней было 18, а не 33. И атеисты в ней считались нежелательными, в то время, как Великий Восток принимал всех: верующих, безразличных к религии, и атеистов. Между этими двумя Уставами возникали время от времени конфликты; поводом для одного из них в 1930-х гг. стал спор о Великом Архитекторе Вселенной (он же Великий Геометр). Откровенно антиклерикальный

¹ Он был двоюродным братом Александра III, а не Николая II, как ошибочно называют его многие историки, в том числе Г. Катков в «Февральской революции».

Великий Восток отказывался допустить в свой словарь этот термин, а Великая Ложа, созданная в традициях Шотландского Массонства, желала его сохранить. Страсти в конце концов утихли, каждый остался при своем, и братья обоих Уставов до начала Второй мировой войны не только бывали гостями друг у друга на «сессиях» (собраниях) и «агапах» (ужинах), но часто входили в оба Устава, как члены одной организации.

Так называемое «среднее» Послушание состояло из нескольких лож и ближе всего примыкало к Великому Востоку, оно было наиболее либерально и, в отличие от остальных лож, в ложу «Аврора» женщины не только допускались, но и играли в ней ведущую роль. Ложа «Les Droits de l'Homme» («Права Человека») была, главным образом, занята защитой гражданских прав, т.е. защитой французских граждан от самого государства. Ритуалы здесь были сокращены до минимума, и хотя клятва тайны строго соблюдалась, но на сессии допускались гости, мужчины и женщины, друзья «братьев» и «сестер». «Аврора» была как бы ответвлением Великого Востока, как, видимо, и обе франко-русские ложи того времени, «Cosmos» и «Mont Sinai». Ложа «Права Человека» открылась в 1893 г. во Франции и Бельгии, и ее забота о равенстве всех перед законом была близка сердцу русских и французских либералов, особенно женщин – в эти годы во Франции женщинам запрещалось иметь собственные средства, открывать на свое имя коммерческие предприятия, а также иметь недвижимость или собственный текущий счет без разрешения отца или мужа и т.д. Но Великая Ложа с принципами «прав человека» не спорила, это видно из неопубликованного секретного отчета русской ложи «Лотос», в котором говорится не только о дружеских отношениях между братьями всех трех Послушаний, но и о частом присутствии братьев Великого Востока в храме Великой Ложи, и наоборот, а также о том, что некоторые братья, принадлежавшие к Шотландскому Уставу (Великой Ложе), даже просили допустить их к «работам» (собраниям) Великого Востока.

Русское «двойное братство» не должно нам казаться чем-то особенным. Антиклерикализм в русских ложах не играл той воинственной роли, какую он играл в ложах французских. Атеисты, конечно, были, но вопрос о религии не разделял людей; было главное, что их связывало: свобода и братство; оба эти идеала они обретали в тайном обществе, и это объединяло их. В вопросе религии русские либералы 1906 – 1916 гг. были бы совершенно удовлетворены, если бы царь уволил из Синода митрополита, друга и собутыльника Распутина, и назначил на это высокое место достойного человека, да и в целом их вполне примирило бы с правительством допущение в Совет министров «общественников», о которых было сказано выше². Среди этих «общественников» было пять-шесть масонов, а все остальные были с масонами в дружеских отношениях. Необходимо помнить, что в эти годы об отделении церкви от государства в России мечтали только радикалы, либералы считали этот вопрос несвоевременным. А масонами в эти годы были, главным образом, либералы, т.е. огромная средняя часть Думского сектора, в 1915 г. получившая название «прогрессивного блока» – от левых октябристов до правых социалистов.

² Две возможности были приемлемы в эти годы для русских масонов и их друзей: при первой, особенно близкой сердцу левых октябристов и кадетов, они полностью приняли бы «министерство народного доверия», т.е. коалицию либеральных царских министров с «общественниками». При второй – «ответственном министерстве» – довольны были бы левые кадеты, трудовики (или народные социалисты) и правые меньшевики: в такое министерство не были бы допущены бывшие царские министры, оно должно было состоять исключительно из «общественников» и их ближайших сторонников. Среди них большинство считало, что замена правительства новыми министрами недостаточна, необходима замена власти. Иллюстрацией этого положения может служить одна встреча в Петербурге в гостинице «Франция» (Морская ул., дом 5), небольшой группы масонов-прогрессистов в 1916 г. Там обсуждались два плана: один – «умеренный», включающий в Совет министров Кривошеина, Поливанова и Игнатъева, т.е. план «министерства народного доверия». Другой – план «ответственного министерства», куда бы вошли исключительно «прогрессисты», т.е. думцы, от левых октябристов до правых социалистов. Прогрессивный блок был создан 25 августа 1915 г. В октябре того же года в блоке были «некоторые неувязки», после которых некоторые члены из блока вышли. (См. Красный архив, 1933, № 1, с. 117). Статистика августа 1915 г. показывает, что в блоке было 6 фракций, около 300 депутатов Гос. Думы (из 420) и 3 группы Гос. Совета.

Итак, Ковалевский принадлежал к французскому масонству. К 1906 г. пятнадцать русских были при его содействии введены во французское Послушание Великого Востока. Среди них – В.А. Маклаков, Вас. Ив. Немирович-Данченко, А.В. Амфитеатров, В.О. Ключевский, изобретатель П.Н. Яблочков, кн. С.Д. Урусов, дипломат И. Лорис-Меликов (племянник министра Александра III), гр. Орлов-Давыдов, присяжный поверенный М.С. Маргулиес. Все они, по-видимому, принадлежали к ложам «Cosmos» и «Mont Sinai». Но именно Ковалевскому было предложено проявить инициативу и получить директивы для открытия первых лож в русских столицах. Он принял это предложение, в конце 1906 г. вернулся в Россию и начал свою масонскую деятельность, тем более, что свою парижскую школу ему пришлось закрыть за отсутствием учеников.

Для начала М.М. Ковалевскому было поручено открыть две ложи в Москве и одну в Петербурге, и он отправился в Россию в этот первый пореволюционный год (1906) к открытию I Гос. Думы, куда он был выбран. Через два года в Москве, Петербурге, Киеве, Нижнем Новгороде, Харькове и других городах, от Варшавы до Иркутска, было открыто не менее 18 лож. Хотя Ковалевский и захватил из Парижа и перчатки свои, и передник, и, вероятно, некоторые другие предметы, необходимые для ритуалов, этого было недостаточно. Очень скоро два «брата» из французского Великого Востока приехали за ним и помогли ему устроить «храм» по всем правилам и посвятить кое-кого из общих ближайших друзей в тайное общество, сначала в первую степень (1°), а затем, учитывая заслуги некоторых из них (поименованных выше) перед французским масонством, через неделю перевести их всех в 3-ю, а некоторых – еще стремительнее – в 18-ю степень. М.С. Маргулиеса, известного в Петербурге молодого адвоката, они посветили в самом здании тюрьмы, где Маргулиес отбывал срок за свои (в 1905 г.) революционные поступки (впрочем, весьма умеренные). Так, в камере «Крестов», в передниках и перчатках, с молотками в руках, Великие Мастера провели церемонию посвящения на глазах, вероятно, совершенно обалдевших от этого зрелища тюремных сторожей. Тут же, немедленно, с еще большей торжественностью, Мануил Сергеевич был возведен в 18-ю степень.

Старый русский парижанин, но в эти годы весьма еще молодой другой адвокат, В.А. Маклаков, был одним из первых «перепосвященных» в России. Таковым же был и кн. Давид Осипович Бебутов, горячо увлеченный открывшейся ему деятельностью. Всеобщий друг, он впоследствии оказался также другом директора Департамента полиции, и информировал его о происходящем. Делать это ему было легко: богатейший человек, он предоставил братьям свою московскую квартиру и свой петербургский особняк, оборудовав их под храмы для масонских сессий. Повара, которые готовили братьям «агапы», у Бебутова, как полагалось в его кругу, были французы.

Очень скоро появились первые трудности: психиатр Николай Николаевич Баженов оказался несколько болтливым, и это не только не способствовало соблюдению тайны – краеугольного камня всякого тайного общества, – но и грозило осложнениями с министерством внутренних дел. Ложи разрастались таким быстрым темпом, что двум французским Достоверным Мастерам пришлось приехать в Россию несколько раз: Сеншоль и Буле на это не только не роптали, но были счастливы услужить русским братьям, – нечего и говорить, что проезд и пребывание в столицах им были щедро оплачены³. Третьей проблемой было упорядочить Капитулы и Ареопаги. Так назывались, по традиции, объединения нескольких лож, связанных общей «работой». Членами таких объединений могли быть только Мастера, т.е. масоны 3° или выше. Они существовали и внутри Великой Ложы и внутри Великого Востока. Ложам и Капитулам давались имена и номера, нумерация была общей для обоих Послуша-

³ Щеголев пишет фамилию Сеншоля – «Синкхоль». Он сообщает адрес Буле и называет его «присяжным корреспондентом русских масонов во Франции».

ний. Иерархия в архивных документах освещена наименее отчетливо, может быть, не без умысла, а может быть, и от неумения ясно изложить внутреннюю структуру организации. Одно несомненно: Сеншоль и Буле имели полномочия посвящать русских масонов в ложи обоих Уставов. Это было логично: Досточтимые Мастера обоих Уставов собирались вместе для обсуждения важнейших вопросов, и ритуал в обоих Уставах был идентичен.

В это время – от начала Первой мировой войны вплоть до февраля 1917 г. в России не было профессии, учреждения, казенного или частного общества, организации или группы, где бы не было масонов. Для примера я приведу список братьев, служивших в царском дипломатическом корпусе, в русских посольствах или легациях за границей. Он, вероятно, не полный, но и по такому, какой он есть, видно, с какой молниеносной быстротой распространилось русское масонство даже в такой области, где казалось бы, сидели люди, преданные режиму:

Англия – К.Д. Набоков, первый секретарь посольства, зам. посла А.К. Бенкендорфа в январе 1917 г.

Франция – Л.Д. Кандауров, советник посольства.

Италия – консул Г.П. Забелло.

Швеция – А.В. Неклюдов, заменен К.Н. Гулькевичем из Норвегии.

Норвегия – И.Г. Лорис-Меликов, заменил Гулькевича, был переведен из Сиам.

Румыния – С.А. Поклевский-Козелл.

Швейцария – посланник К.М. Ону, агент Министерства иностранных дел А.Н. Мандельштам.

Сербия – Б.П. Пелехин, переведен из Китая.

Греция – Е.П. Демидов.

Черногория – консул Л.В. Иславин.

США – Б.А. Бахметев, заменивший Ю.П. Бахметьева.

Китай – Н.А. Кудашев.

Персия – поверенный в делах В.Ф. Минорский.

Бразилия – А. И. Щербацкий (глава дипломатической миссии), переведен из Японии.

Уругвай, Парагвай, Чили – он же.

Мексика – И.Я. Коростовец (не успел доехать; до этого в Китае).

Монголия – А.А. Орлов, дипломатический представитель (из Багдада).

Среди людей, которые по кодексу законов Российской империи должны были «защищать интересы родины перед правительствами других стран, к которым были аккредитованы», такая крамола кажется просто невероятной.

Но был ли факт принадлежности к масонству – крамолой? С точки зрения самодержавного царского правительства, – несомненно, если даже Кривошеина, Столыпина и Сазонова царь и царица считали «хуже Думы». Но с точки зрения русского масонства, крамолы никакой не было.

В эти годы масонство никак не связывалось с революцией, и революционеров в ложах не было. Меньшевиком было не более пяти-шести за все эти довоенные годы, социалист шел в тайное общество тогда, когда от его революционности (и социализма) оставались только следы. Маклаков много раз говорил позже, что «все мы» были против революции, так что Кропоткин ошибался, считая что «русскому революционному движению хорошо и полезно быть связанным с масонством». Хотел ли он сказать этим, что масоны прекрасные конспираторы и могут научить этому революционеров, или он намекал на масонскую дисциплину, которая у эсеров была недостаточна?

Но Ковалевский, конечно, никогда не мог бы согласиться с Кропоткиным. Он был далек от всякой мысли о возможной революции. Вернувшись в Россию в 1906 году, он сперва начал газету, вскоре прикрытую, затем вступил в партию «демократических реформ», насчитывавшую в это время не то 4, не то 5 членов. Он был выбран в I Думу, но не прошел во вторую, и тогда повернулся лицом к Государственному Совету, в который едва прошел (из «академической курии»).

Его ближайшими друзьями были и посвященные масоны и сочувствующие профаны: Баженов, проф. С. Котляревский, В.Д. Кузьмин-Караваев, Аладьин, Урусов, Гейден, Н. Львов, А. Стахович, Энгельгардт. Его партия демократических реформ, доведя число своих членов до девяти, слилась с партией «мирного обновления» – само название которой отрицало всякую революцию. И в IV Думе эти друзья перешли в «прогрессивный блок». Но в это время он уже был тяжело болен, и в 1916 г. умер, последние годы руководя «Вестником Европы». Незадолго до своей смерти он близко сошелся в Петербурге с французским послом Морисом Палеологом. У посла в 1914-1916 гг. собирались на вечерах кадеты из Думы, и Палеолог говорил с ними только об одном: «Продолжать войну с Германией, а все остальное может подождать».

В эти годы появился на свет один из первых списков имен мирового масонства, в который были включены и русские имена. Об этом списке упоминает П.Е. Щеголев, в нем было 30 тысяч имен, он был составлен всемирной антимасонской организацией. Русские фамилии в нем настолько перевертаны, что трудно узнать кого бы то ни было. Кое-кто, в виде исключения, назван верно: среди них – М.М. Ковалевский, В.В. Вырубов, Лорис-Меликов, Гамбаров, Тамамшев и врач Зелинский.

* * *

По архивным документам теперь известно, что в начале 1890-х гг. во Франции и Бельгии существовали масонские ложи, которые принимали русских. Двух примеров – Баженов и Прокопович – достаточно. В Париже, в 1900 г., некоторые французские ложи еще шире открыли свои двери для русских⁴. Это были уже названные «Cosmos» и «Mont Sinai». Тот факт, что в 1906 г. братья Сеншоль и Буле, почти одновременно с отъездом Ковалевского, перевели 15 братьев русского происхождения из французской ложи в учрежденную с их помощью русскую ложу, доказывает, что в это время почва была готова, или почти готова, для того чтобы русское масонство могло начать свою деятельность.

Из 15 братьев, посвященных в Париже, большинство принадлежало к Великому Востоку. Но Сеншоль и Буле имели полномочия вводить кандидатов в оба Устава. Имена девяти человек были мною названы выше, шесть имен остались неизвестными.

Параллельно в эти же годы (1905-1906) в России оживилась деятельность «мартинистов», с помощью двух шарлатанов, Папюса и Филиппа (предшественников Распутина при русском дворе). Вскоре гр. Мусин-Пушкин стал у них Великим Мастером. Говорили, что в молодости Николай II был мартинистом, по примеру своих английских, германских и датских родственников. Николай II вышел, однако, очень скоро из тайного общества. Но его дяди, вел. кн. Николай и Петр Николаевичи (внуки Николая I и двоюродные братья Александра III), а также вел. кн. Георгий Михайлович остались мартинистами высоких степеней и время от времени, в специальном храме в Царском Селе, собирались для ритуала. Это про-

⁴ Не должно казаться странным расположение французов к русским масонам и легкость, с которой они посвящали новых братьев – французские масоны как раз переживали тяжелое время: они в Европе оставались в одиночестве – английское масонство отказалось от них из-за разногласий в вопросе о Великом Архитекторе, без которого английские масоны не представляли себе масонства, а Германия захватила у них Эльзас – Лотарингию.

должалось до 1916 г., когда мартинистам пришлось прекратить свое существование. Великих князей, конечно, не тронули, а царь, как пишет Л.Д. Кандауров, «окончательно обратился наконец к Серафиму Саровскому». К этому времени относится письмо царя, в котором он рассказывает царице, как нынче утром, 8 августа 1916 г., он с особой нежностью вспоминал ее, потому что ровно год тому назад в это время он тоже причащался, и когда стоял против большой иконы, услышал внутренний голос, внезапно сказавший ему, чтобы он немедленно написал «Николаше» о своем бесповоротном решении прогнать его и сесть самому на место Верховного Главнокомандующего. Что он немедленно и сделал⁵.

Близко к мартинистам стояли филалеты. Их русская ложа в 1890 г. была основана в Париже (в доме № 70 по улице Эдгар Кинэ). Она вела свое происхождение от оккультного общества 18 века. Известно, что эта ложа имела дело, главным образом, с потусторонним миром. В 1898 г. она распространилась и на Швейцарию, и немного позже имела успех в России, где вел. кн. Александр Михайлович, брат Георгия и впоследствии автор воспоминаний, был заядлым спиритом. Ему было явление духа сирийского провидца Алкахеста, предсказавшего великому князю революцию и то, что он сядет на престол вместо Николая. Александр Михайлович был в это время управляющим Торгового мореплавания и был известен тем, что все никак не мог навести в этом учреждении порядок. Одновременно он стоял во главе Морского музея в Петербурге. В ложу филалетов принимали всех, кто хотел, никаких анкет и рекомендаций не требовалось. К 1916 г. в ложе оказалось около тысячи человек. Никого не исключали и никого никакими взносами не облагали.

Близко к мартинистам стояла и ложа «Люцифер», возникшая около 1910 г. и просуществовавшая очень недолго. В нее, по документам, не внушающим полного доверия, входили некоторые поэты-символисты: Вяч. Иванов, Брюсов, Белый и друг Белого А. Петровский. Перед самой войной ее решили «усыпить» (т.е. закрыть), хотя, как пишет Кандауров, «характер их работ был возвышенный». Была ли эта ложа та самая, в которую Терещенко – тогда владелец «Сирина», позже – министр Временного правительства, – ввел, или только собирался ввести, Блока?⁶

М.М. Ковалевский начал работать над расширением масонских лож. В 1907 г. им была открыта «Северная Звезда» во дворце графа Орлова-Давыдова, в Петербурге. Орлов-Давыдов был, разумеется, одним из тех, кого посвятили в масонство Сеншоль и Буле еще в Париже. Он был член Гос. Думы и позже – прогрессист. Организованная вскоре «Военная ложа» до самого Февраля собиралась у него во дворце, в Петербурге. Материальный вопрос в первый период русского масонства никогда не стоял остро: Орлов-Давыдов, Бебутов и другие отдавали братьям под храмы свои особняки и квартиры, – их было у каждого по несколько. Орлов-Давыдов был знаменит на всю Россию: «Толстый, с вытаращенными глазами, розовым лицом и огромными плоскими ступнями, – пишет о нем Клод Анэ, корреспондент «Пти Паризьен», – он одно время считался другом и Керенского, и вел. кн. Николая

⁵ Он добавляет, что делает это «даже независимо от нашего Друга», т.е. Распутина, а кстати просит царицу поблагодарить старца за присланные царю в Ставку цветы. Подарки Распутина рассматривались обоими, как знаки благоволения к ним старца; до этого им был прислан царю гребешок, и царица напоминает ему в письме от 23 августа 1915 г., чтобы он не забывал этим гребешком чесать свои волосы перед важными решениями, т.к. «это помогает». В то лето другой старец, Варнава, также занимал ее воображение: она узнала от него, что в день чудотворца Тихона в небе над селом Барабинским появился, на 15 минут, крест. По случаю этого знамения она через Варнаву послала ген. Алексею картинку с изображенным на ней св. Иоанном-Воином. (Письмо царицы от 20 июня 1915 г.). Знамения были в большом ходу уже в 1903 г., когда царю во время одного молебна «Господь положил на душу уволить Витте», а перед назначением в министры Н.А. Маклакова, эта мысль была внушена ему во время молитвы у раки св. Феодосия Черниговского. (V.I. Gurko. Features and Figures of the Past. Цитирует К.А. Кривошеин).

⁶ Нет сомнения, что блоковский замысел пьесы «Роза и Крест» (1912 г.) связан с этим моментом его жизни. Так же можно предположить, что весь символизм Обезьяньей Великой и Вольной Палаты Ремизова, ее ритуал и ее регалии, были пародией на масонство, только вместо глаза, вписанного в масонский треугольник, в «Обезвельволпале» из треугольника смотрела какая-то рожица, нарисованная Ремизовым, как карикатура на самого себя.

Михайловича». Прославился он благодаря шумному судебному процессу: его любовница, исполнительница модных романсов и даже сочинительница их, – наибольшей популярностью пользовался ее романс «Лебединая песнь» – вчинила ему иск о признании им ее незаконно прижитого с ним ребенка. Кандауров в своей «Записке», о которой я буду позже подробно писать, говорит, что свидетелями по этому делу в суде были приглашены многие члены «организации» (так Кандауров в целях конспирации называет тайное общество и, в частности, – ложу «Астрея»). Керенский, сначала выступавший свидетелем на суде, позже был шафером на свадьбе: Мария Пуаре выиграла дело, и граф женился на ней.

В 1907 г. Орлов-Давыдов стал Великим Мастером «Северной Звезды», а в 1908 г. была открыта ложа «Возрождение», с Великим Мастером Н.Н. Баженовым. Название «Северная Звезда» требует небольшого комментария:

Сначала, видимо, по аналогии с французской ложей «Etoile Polaire», было выбрано традиционное название «Полярная Звезда». Из историков этим названием пользуется только С.П. Мельгунов, когда, кое-что зная о масонстве (впрочем, гораздо больше, чем все другие), он упоминает о ней в своей переписке с масонами. Можно предположить, хотя и с большой осторожностью, что французское название не могло быть переведено с необходимой точностью по одной странной и неожиданной причине: «Полярной Звездой» называлась одна из пяти или шести царских яхт, на которой Николай II отправился в 1894 г. в Германию на обручение с будущей своей женой, Алисой Гессенской. Ассоциация с этой «Полярной Звездой» могла показаться русским братьям нежелательной, и они перевели французское название, как «Северная Звезда». Под этим же именем ложа была восстановлена в эмиграции, в 1922 году⁷. 1908 г. прошел в приездах Сеншоля и Буле (Кандауров называет их «весьма усердными») и в посвящении новых братьев в Досточтимые Мастера. Затем французские помощники были торжественно введены в новооткрытые русские ложи. В Нижнем Новгороде (Д.М. Бурьгин), в Риге, в Саратове также открылись ложи и появились братья. Некоторые вначале не всегда знали, куда попали, и называли себя розенкрейцерами. В том же 1908 г. русский «Космос», близнец парижского, был открыт в Петербурге. Туда вошли сам Ковалевский, де Роберти, проф. Евг. Аничков, Гамбаров и др. «Космос» принадлежал к Уставу Великого Востока. Сеншоль и Буле приехали во второй раз в том же году, учреждать сразу три ложи: в Петербурге, Москве и Варшаве. Маклаков, Немирович-Данченко и Амфитеатров принимали гостей; заодно в июле «узаконили» и «Северную Звезду». В Нижнем теперь уже было две ложи, одна из них называлась – «Железное Кольцо», с Досточтимым Мастером Кильвейном⁸. В этом же году были открыты русские ложи Шотландского Устава – Великой Ложи Франции.

В своем докладе в 1925 г. в Париже Маргулиес, касаясь этого периода, между прочим упоминает петербургскую «Военную ложу», в которую краткое время входили А.И. Гучков, ген. Вас. Гурко⁹, Половцев и еще человек десять – высоких чинов русских военных¹⁰.

⁷ Необходимо помнить также, что когда название русской ложи «Северная Звезда» переводилось с французского обратно на русский, то французское ее название, Etoile Polaire, неизменно переводилось невнимательными переводчиками на русский, как Полярная Звезда. Они, видимо, не были осведомлены об этих тонкостях – таких случаев между 1906 и 1970 гг. было немало.

⁸ Горький в 1925 г. говорил, что впервые узнал о масонстве «во времена Кильвейна», в Нижнем, он всегда интересовался им, и поощрял в Ек. Павл., своей первой жене, интерес к масонству. Его ближайшие друзья, в том числе расстрелянный в 1921 г. Тихвинский, были масонами. Как будет видно дальше, на его квартире происходили собрания ложи в Петербурге. (Прошу читателя заметить, что когда я пишу: «Горький говорил», – это не значит, что он говорил мне. Это значит, что он говорил в моем присутствии).

⁹ Гурко и Алексеев, как теперь известно, с 1916 г. не пополняли свежими силами Петроградский гарнизон.

¹⁰ О «Военной ложе» см. М.С. Маргулиес. «Масонство в России за 25 лет».

1909 г. был годом процветания ложи «Возрождение», «Военной ложи» и «Феникса». В это же время департамент полиции стал сильнее нажимать на мартинистов. Некоторые спиритические ложи закрылись сами, «от скуки или от страха», как пишет Кандауров.

В 1910 г. была основана «Малая Медведица». В нее не принимались ни октябристы, ни военные. Исключение было сделано только для полковника (позже – генерал-майора) Теплова. Туда вошли Колюбакин, Гальперн, Ефремов, и в ложе произошел раскол на «правых» и «левых»¹¹. Вскоре «Малую Медведицу» приструнили.

В 1912 г., после некоторых неприятностей с полицией в связи с болтливостью кн. Бебутова, частично возобновилась деятельность нескольких лож. Кандауров пишет об этом так: «Устранили тех дорогих братьев, болтливость которых была установлена». «Малая Медведица» вновь собирается на частной квартире: Керенский, Волков, Демидов, Кроль, Барт и др. Они напечатали свой Устав, под названием «Итальянские угольщики» (т.е. карбонарии), чтобы его закамуфлировать. В том же году был в строгой тайне создан «Верховный Совет Народов России», который контролировался масонским Конвентом. Уже через год в этом Совете в качестве «Секретарей» – должность в масонской ложе – оказались Керенский, Терещенко и Некрасов¹².

О Керенском имеется секретное донесение департамента полиции от апреля 1916 г., сделанное на 60-ти страницах очень тщательно, но там нет ни слова о его масонстве. Позже мы увидим, что думал Кандауров о суммах, которые тратились на слежку за тайным общением, а также о стараниях царской охраны в борьбе с масонством.

Вот краткий образчик из этого донесения:

«Кандидатура А.Ф. Керенского в 4-ю Государственную Думу была подготовлена Центральным Комитетом Трудовой Группы. В это время партия социалистов-революционеров, как таковая, бойкотировала выборы, и фракции социалистов-революционеров в Думе быть не могло, но вместе с тем партия не запрещала отдельным своим членам на их собственный риск пытаться проходить в Думу. Поэтому Центральный Комитет Трудовой Группы, следуя традициям Группы, всегда ставившей своею задачею объединение всех народнических течений и поддерживавшей очень близкие отношения с партией социалистов-революционеров, решил наряду с трудовиками проводить в Думу и социалистов-революционеров при условии, что они, как это было и в 1-й Думе, войдут во фракцию трудовиков. Такое предложение было сделано Центральным Комитетом Трудовой Группы А.Ф. Керенскому и им было принято».

В 1915-1916 гг. открылось несколько новых лож, в том числе и «Думская ложа». В ней очень скоро оказалось около 40 человек. Она сразу же начала проявлять большую активность и, по словам Кандаурова, пошли такие раздоры, что десять братьев пришлось временно «усыпить» (т.е. исключить). В это же время «Верховный Совет Народов России» поручил всем Досточтимым Мастерам русских лож на территории Российской Империи составить список будущего правительства, когда произойдут наконец желанные всем перемены.

На это было отвечено Досточтимыми Мастерами, что эти списки уже давно составлены.

¹¹ Вступление Колюбакина, Гальперна и Ефремова в «Малую Медведицу» вызвало раскол, т.к. принятые братья были гораздо левее основателей.

¹² Съезды Верховного Совета Народов России проводились в 1912, 1914 и 1916 гг. Некрасов был и оставался Секретарем, Керенский и Гальперн из Секретарей поднялись до членов. Некрасов стал членом, когда умер Колюбакин.

* * *

Итак – кадры были готовы. В обеих столицах думцы, профессора, дипломаты, члены Военно-промышленного комитета, члены Земского и Городского союза, адвокаты, военные, земцы, «общественники» созывали друг друга: их день наставал. Бывшие царские министры, сидевшие на своих высоких местах год или два, а то и меньше, царской волей вышвырнутые со своих мест и замененные шутами, кретинами и безумцами, члены Государственного Совета (по выборам), умевшие молчать, великие князья, не могущие решить – остаться здесь, в своих дворцах, или наконец «сказать царю всю правду» и вырваться на Лазурный берег на веки вечные, и сам Родзянко, боявшийся революции и ее огня, с глазами на мокром месте, – все ждали чего-то, когда Ледницкий, лидер «Польского Коло», восклицал с думской трибуны, цитируя «Дзядов» Мицкевича: «Цо то бенде! Цо то бенде!»

В основном, списки тех, кто вот-вот должен был встать у кормила власти, были известны всем посвященным и полупосвященным, они ходили по рукам. Посвященных были сотни, настоящего числа их никто не знал, и вокруг них были полупосвященные, те, которые не давали таинственной клятвы, но молча поддерживали первых – старые товарищи по студенческим временам, родственники и свойственники, полные общих семейных преданий, соседи по родовым именьям, однокашники по корпусу, по училищу правоведения, по лицу. Сочувствовавшие и молчавшие, и стоявшие где-то совсем близко, чтобы в нужную минуту ответить на переключке.

Этот «второй слой» был очень значителен. Он особенно разросся во времена «прогрессивного блока», объединившего и товарищей по партии, и политических деятелей из соседствующих партий: в одном тесном кругу оказались октябристы – «левые», конечно, и «умеренно левые», и «социалисты» правого толка. Они объединились вокруг несомненно демократической, хотя и недалеко идущей программы «трудоустройщиков» (или «народных социалистов»): земельная реформа, земские школы, отмена цензуры, не взрывать Зимний дворец, но предложить царю уехать в Англию... Свобода, равенство, братство. И, может быть, – Республика, потому что нет кандидата на трон!

Возможно, что кто-нибудь из этого «второго слоя», в эти последние месяцы перед Февралем, был уже кандидатом в ложи, об этом в архивах следов нет. Однако прежде чем перейти к Подмастерьям и Мастерам, необходимо сказать несколько слов об этих людях, не посвященных в тайны, но знавших о тайнах, молчавших о них, создававших некую невидимую, но ощутимую защиту доверия и дружбы. Некий сочувствующий «арьергард».

Эти люди были «правее центра», какая-то сила удерживала их от вхождения в тайное общество. Что это была за сила? Происхождение? Высокие связи? Врожденный страх потерять опору своего класса, опору привилегий? Все это не мешало, однако, ни Олсуфьеву, ни Оболенскому, ни Шаховскому, ни Долгоруковым, не говоря уже о членах царской семьи, присягать св. Тибальду. Но для истории психология этих людей не столь важна, важны их имена и места, на которых многих из них застал долгожданный и все-таки неожиданный Февраль.

Гейден, П.А., граф (1840-1907). Предводитель дворянства Опочецкого уезда. Председатель Вольно-Экономического Общества (закрытого царем). Вместе с Шиповым и Гучковым он был основателем партии октябристов. До 20 июля 1906 г. вел вместе с другими переговоры со Столыпиным о вступлении их группы в кабинет министров. Этими свиданиями с Г. были испорчены отношения Столыпина с царем. Недовольство царя Столыпиным

привело впоследствии к тому, что царь простил Курлову убийство Столыпина, не имевшего в то время себе равных среди приближенных к трону людей.

Дмитрюков, И.И. (1872 –19?). Член Гос. Думы, октябрист, земец. В министерстве земледелия служил при Кривошеине; в 1909-1912 гг. – директор департамента, в 1912-1914 – тов. министра. Как Гейден и многие другие, хотел «просвещенной монархии и правового государства».

Игнатъев, П.Н., граф (1870-1926). Царский министр народного просвещения (январь 1915 –декабрь 1916). В тесных дружеских отношениях с членами к.-д. партии и «прогрессистами».

Кривошеин, А.В. (1857-1920). Министр земледелия. «Инициатор прогрессивного блока» (Гурко).

Крупенский, П.Н. (1863-192?). Член II, III и IV Думы. Председатель «центра» IV Думы. «В 1915 г. в ресторане Кюба, за ужином, давал советы Ковалевскому, Стаховичу и Меллер-Закомельскому (все трое – члены Гос. Совета)... Умеренный октябрист, активно работал в прогрессивном блоке с представителями из Думы и ее академической группы» (Гурко).

Покровский, Н.Н. Царский министр иностранных дел после отставки Сазонова (был заменен Штюрмером¹³. Тов. председателя Центрального Военно-промышленного комитета. Играл связующую роль между «прогрессивным блоком» и правительством. Друг народовольца Германа Лопатина.

Саблин, Е.В. Советник русского посольства в Лондоне до 1918 г., затем – полномочный представитель России в Англии. После признания Англией сов. правительства – эмигрант. Личный друг Маргулиеса. (Не путать с кап. Саблиным Н.П., адъютантом царя, членом гвардейского экипажа, любимцем царицы и Распутина, сопровождавшим императорскую яхту «Штандарт» в 1912-1915 гг. в летних поездках).

Савич, Н.В. Октябрист, член Гос. Думы, земец. Участвовал в съездах Военно-промышленных комитетов. Присутствовал на совещании с вел. кн. Михаилом Александровичем 27 февраля 1917 г. вместе с Родзянко, Некрасовым, Дмитрюковым и др.

Шабловский, И.С. Председатель Особой комиссии по расследованию дела ген. Корнилова. 4 октября 1917 г. дал о деле Корнилова интервью в «Русских ведомостях», присутствовал при допросе ген. Крымова Керенским.

Шипов, Д.Н. Земец, член Гос. Совета (по выборам). Председатель «Союза 17 октября», но вышел из партии октябристов в августе 1906 г. На его квартире в Петербурге 29 –30 октября 1905 г. обсуждалось положение о выборах в Гос. Думу. Присутствовало 14 человек, из них – 7 масонов, 2 сомнительных и 5 – неизвестно. Пять приглашенных не пришли, из них – 3 масона, 1 сомнительный и 1 – неизвестно. Автор книги «Воспоминания и думы». На «ты» с Муромцевым (председатель I Гос. Думы), близкий друг кн. Г. Евг. Львова. Был близок с Головиным, Кокошкиным, одно время – с Гучковым, М. Стаховичем и Петрункевичем.

¹³ Б. Штюрмер – царский министр иностранных дел, ставленник Распутина в последнем составе царского правительства. Горемыкин был председателем Совета министров, а Протопопов – министром внутренних дел. Оба также были рекомендованы Распутиным. Вступив в должность, Штюрмер немедленно попросил царя изменить его фамилию на Панина. Царь колебался. (Переписка царя и царицы).

Щербатов, Н., князь. Царский министр иностранных дел (до этого управлял государственным коннозаводством). Царица жаловалась царю (22 июня 1915 г.): «Щербатов дает печати слишком большую свободу» и (29 августа): «Мне хочется отколотить Щербатова». Во время войны уничтожил черту оседлости для евреев-беженцев. На частных собраниях с Поливановым и Кривошеиным обсуждал меры борьбы с председателем Совета министров Горемыкиным.

Таков далеко не полный список «арьергарда» русского масонства в последние годы царского режима. Места и группы, где эти «друзья» всегда могли найти единомышленников, были следующие:

Французское посольство в Петербурге (Французская наб. дом 10),
Государственная Дума,
Государственный Совет,
Прогрессивный блок,
Союз Освобождения (сущ. до 1905 г.),
Партии кадетов, октябристов, трудовиков (нар. социалисты),
Рабочая группа при Военно-промышленном Комитете,
Военно-промышленный комитет,
Генералитет (после 1915 г. и смещения вел. кн. Николая Николаевича),
Московская городская Дума,
Торгово-промышленный союз,
Либеральное Тверское земство,
Адвокатура,
Профессура Московского и Петербургского университетов.

С таким защищенным тылом, чего было опасаться чиновным и нечиновным «общественникам», «братьям» и тайным заговорщикам? Они были твердо убеждены, что перемены нужны и придут. Они также знали, что кто-то, но не они сами, их непременно совершит и мирно обновит эту огромную и сложную страну. Быть может, придет время и новые архивные материалы покажут, что часть из мною названных лиц состояла в масонских ложах и принимала масонскую присягу? Это возможно и даже – вероятно.

Но почему же все-таки «кто-то», а не они сами? Да потому что они к этому не готовились, или их не готовили, они понятия не имеют, как «это» делали Кромвели, Мирабо и Гарибальди. Они отяжелели, учиться им поздно, они только совсем недавно начали думать о том, что, собственно, происходит. 1905 год оказался неожиданностью, как и до этого позор на Дальнем Востоке. Они любят традиции, их учили их любить. Тронешь одно – все посыпется... В этом они оказались правы.

* * *

1917 год оказался для русских масонов апогеем их деятельности, но общество оставалось сугубо тайным, может быть, еще даже более засекреченным, чем до революции: в первый состав Временного правительства¹⁴ (март-апрель) входили десять «братьев» и один

¹⁴ Первый состав Временного правительства: кн. Львов, Гучков, Керенский, Терещенко, Некрасов, Шингарев, Коновалов, Мануйлов, Годнев, В. Львов и Милюков. Кроме Милюкова, всех остальных можно найти в Биографическом словаре. «Состав наметился как-то сам собой». (Шидловский. Воспоминания, т. 2, с. 61).

«профан», который многое понимал и о многом догадывался, но был занят самим собой, своей политической биографией и той «политической фигурой», которую он «проецировал» в умах союзников. Это был, конечно, Павел Николаевич Милюков. Причина, по которой он никогда не был масоном, довольно оригинальна, и вместе с тем логически вытекает из его житейской установки: он до того безмерно ненавидел всякий символизм, всякое «смутное значение» вещей, все полумистические, полумифологические ритуалы и намеки, таинственные жесты, обряды и псевдорелигии рыцарей, и все вообще средневековье в целом, что стать масоном он никогда бы не мог, и даже думать о нем ему было в высшей степени противно. О том, что он позже узнал, наконец, с кем имел дело, свидетельствует следующий отрывок из его «Воспоминаний», которые, кстати, редактировал после его смерти его душеприказчик и друг Б.И. Элькин, который одновременно был адвокатом в Лондоне в тяжбе Нины Васильевны Милюковой (второй жены П.Н.) с его сыном от первого брака:

«Я хотел бы только подчеркнуть еще связь между Керенским и Некрасовым – и двумя неназванными министрами, Терещенко и Коноваловым. Все четверо очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли; но их объединяют не только радикальные политические взгляды. Помимо этого, они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политического характера, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника. В политике оба последние министра – новички, и их появление в этой среде вызывает особые объяснения. Киевлянин Терещенко известен Набокову, как меломан в петербургских кругах; другой «министр-капиталист», почти профессиональный пианист, ученик Зауэра, – на линии московского мецената. Терещенко берет, по ассоциации с своими капиталами, портфель министерства финансов; потом, столь же неожиданно, он становится дипломатом, без всякой предварительной подготовки. Природный ум и хорошее воспитание его выручают. Мой антагонист и преемник, он потихоньку ведет мою же политику, успешно надувая Совет рабочих депутатов, но к концу постепенно освобождается от своего левого гипноза и даже разрывает с Керенским. Фабрики фирмы Коноваловых славятся блестящей постановкой рабочего вопроса, и А.И. Коновалов с большим основанием занимает пост министра торговли и промышленности. Но он еще скорее рвет с марксистским социализмом, переходит к нам, к.-д. в момент крайней опасности для Керенского вдруг оказывается (в третьей коалиции) на посту его заместителя, отнюдь не имея для этого поста ни личных, ни политических данных. Дружба идет за пределы общей политики. Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяет центральную группу четверых. Если я не говорю о ней здесь яснее, то это потому, что наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднее периода существования Временного правительства».

(Милюков. Воспоминания, т. 2., с. 332-333).

Если из одиннадцати министров Временного правительства первого состава десять оказались масонами, братьями русских лож, то в последнем составе, «третьей коалиции» (так называемой Директории), в сентябре-октябре, когда ушел военный министр Вер-

ховский, масонами были все, кроме Карташева¹⁵ – те, которые высидивали ночь с 25 на 26 октября в Зимнем дворце и которых арестовали и посадили в крепость, и те, которые были «в бегах».

Известен факт, что накануне Февраля на территории Российской империи было 28 масонских лож обоих Уставов. Это число, в свете архивных данных, мне кажется преуменьшенным. Удивительно, что царское правительство было не слишком озабочено таким положением вещей: в бумагах преданного масонству брата, Л.Д. Кандаурова, иногда настроенного иронически и критически к тайному обществу, находится один любопытный документ. Кандауров в нем признается, что сразу же после Февральской революции он ознакомился с содержимым архива царской полиции, относящегося к 1915-1916 гг., в помещении русского посольства в Париже (к этому архиву, он, будучи первым секретарем посольства, до того доступа не имел). Агенты охраны, Ратаев и Алексеев, как обнаружил Кандауров, в эти годы потребовали от Департамента полиции в Петербурге 200 тысяч рублей для обнаружения русских масонских лож за границей, в частности – во Франции. Как пишет Кандауров, им было переведено 150 тысяч золотых рублей, которые они оба, видимо, и поделили. В Петербурге на это не обратили никакого внимания.

Приходят на ум два возможных ответа на такую загадку: первая, что все тысячи рублей, которые тратились Департаментом министерства внутренних дел, попросту были прикарманены обоими агентами, которые были воры, и – вторая – оба агента никакой слежки не предприняли потому, что сами были масонами¹⁶.

Н.В. Савич, один из упомянутых мною участников все знавшего и молчавшего «арьергарда», со слов Климовича (директора департамента полиции), позже писал:

«Царское правительство считало, что существуют два революционных центра: первый – Земгор (Земско-городской Союз)¹⁷ вместе с Военно-промышленным комитетом, объединенные с Бубликовым, Рябушинским, Челноковым, и другими революционерами (!) и второй – социалисты, среди них думцы – Керенский и Чхеидзе».

Донесение о Керенском, процитированное выше, отчасти подтверждает эти слова: вот, оказывается, кого боялась царская полиция!

¹⁵ Состав последней коалиции (сентябрь – 25 октября): Керенский, Коновалов, Терещенко, Верховский, Вердеревский, Прокопович, Никитин, Малянтович, Салазкин, Гвоздев, Ливеровский, Смирнов, Кишкин, Бернацкий, Третьяков, Маслов, Карташев.

¹⁶ Борис Алексеев служил в царской охранке и, вместе с другим агентом, Ратаевым, подозревался Кандауровым в крупной растрате. А., будучи на службе в Париже, написал пять донесений в Петербург, где сообщал департаменту полиции о результатах своего расследования. Сведения, которые он получал от французской Антимасонской Ассоциации, и которыми, видимо, в Петербурге верили, были им посланы в 1910-1911 гг. В своей четвертой докладной записке он пишет, что французские масоны в своем журнале *Revue Masonique* пишут о русских с чрезвычайной симпатией уже с 1896 г., и надеются, что «масонство найдет наконец в России гостеприимную страну», а также сообщает, что с 1905 г. во французское масонство были приняты семь русских, и называет их фамилии. Он также дает 18 (!) армянских фамилий (среди которых – Р.И. Берберов).

¹⁷ Земгор (Земско-городской комитет или Комитет земств и городов) открылся в 1914 г. Он состоял преимущественно из членов земств и членов Военно-промышленных комитетов. Он вырос из Земских съездов 1904-1905 гг. В него входили кн. Львов, Гейден, Муромцев, Д. Шипов, бр. Гучковы, Н.Н. Щепкин, Н.И. Астров, Ф. Головин. Собирались у Баженова, М.А. Морозова и Долгоорукова. Кн. Евг. Львов сблизился с А. И. Гучковым в январе 1916 г. До этого они были только знакомы. В это время у них возник общий план: сослать царицу в Крым. Эта мысль возникла вокруг них на собраниях у Кишкина, Федорова и Хатисова еще в декабре 1915 г. На собрание Земгора в апреле 1916 г. были приглашены французские министры Вивиани и Тома (это был первый приезд Тома в Россию). Тогда же члены прогрессивного блока Гос. Думы и Гос. Совета устроили обим обед в ресторане Контан (БИБ: Наумов).

* * *

В книге Сержа Ютена о французском масонстве, вышедшей в 1960 г., раскрыта картина французского масонского Конгресса во время Первой войны, на который Россия либо не послала делегатов, либо, что вернее, не была приглашена. Там обсуждалось будущее, связанное с концом войны, победой Франции и переустройством мира: были подняты вопросы об Эльзасе и Лотарингии, Истрии, Триесте, Восточной Адриатике, Шлезвиг-Гольштейне, Польше, Армении и колониальных землях Германии. Совершенно ясно, что никакой роли в переустройстве мира союзники при этом России не предназначали.

Тем не менее, уже 10 августа 1914 г. они начали требовать русского наступления – и в наступление пошли. «Желание помочь союзникам превозмогло все прочие (!) соображения». 23 августа/ 5 сентября с Англией было подписано соглашение о незаключении сепаратного мира, с Францией оно уже существовало. Осенью 1915 г. Поль Думер, будущий президент Франции (1930-1931), приезжал в царскую ставку и настаивал, чтобы Россия посылала 40 тысяч человек в месяц на западный фронт. «Помогите нам людьми», – говорил позже Шингареву министр Рибо, а после него, – уже летом 1917 г. – другие, с требованиями наступать в Карпатах, под Ригой и в Румынии.

Французский посол в Петрограде, Морис Палеолог, выехал во Францию весной 1917 года. Новый посол, Жозеф Нуланс, приехал только в конце лета. Альбер Тома, министр вооружений (1915-1917), социалист, заменял посла два месяца. С ним был советник французского посольства, которого вел. кн. Николай Михайлович называл *un vieux pede* (старый педераст), граф де Шамбрэн. Палеолог в марте – мае 1917 г. хотел, чтобы Николай Михайлович был назначен делегатом от России на будущей мирной конференции, и Николай Михайлович серьезно начал готовиться к этой роли. Все это время, до своего отъезда, Палеолог телеграфировал своему правительству в Париж одно, а Тома – другое. (Архивы французск. мин. ин. дел).

Между Керенским и Альбером Тома в 1917 г. был «агент связи», Эжен Пети (женатый на С.Г. Балаховской). Он был послан в Россию еще в 1916 г., во время первого пребывания в Петрограде Тома.¹⁸ Оба они, и Пети, и Тома, вместе с ген. Нисселем, имели одну задачу: держать Россию на стороне союзников. Позже посол Советов в Берлине, Н. Крестинский, недоумевал, почему бельгийский социалист Вандервельде, лидер партии, приезжал в Петербург летом 1914 г. и виделся не столько с русскими меньшевиками (и некоторыми большевиками), сколько с М.А. Стаховичем и М.М. Ковалевским (членами французской ложи). Вернувшись в Бельгию, Вандервельде призывал русских социалистов поддержать войну. Русские масоны на это легко пошли. «Вернувшись в Брюссель, – писал Крестинский, – Вандервельде дал телеграмму левой оппозиции в России, приглашая присоединиться к решению французских и бельгийских социалистов и выступить против германского империализма. Большевицкая фракция отказалась – в единодушии с тезисами Ленина». («Пролетарская революция», 1924, № 7 (30).

После Вандервельде приезжал Пуанкаре, а затем Тома и Вивиани (1916 г.), и снова Тома – уже в 1917 г.

¹⁸ Евгений Юльевич Пети (1871-1938), говоривший хорошо по-русски, был впоследствии в высоких чинах в Елисейском Дворце, при президенте Александре Милльеране (1920-1924), который был смещен левой группой французских парламентариев до своего срока. К власти пришла партия радикал-социалистов, на 90 процентов состоявшая из масонов. Пети был женат на киевлянке, С.Г. Балаховской (1870-1966), брат которой был мужем сестры философа Льва Шестова. Софья Григорьевна в молодости училась в Париже и стала одной из первых женщин-адвокатов парижского «барро». Е.Ю. покончил с собой после «Мюнхена» в момент тяжелой депрессии.

Для понимания роли, которую играли союзные (французские, итальянские) социалисты и британские лейбористы в вопросе войны, необходимо помнить, что еще весной 1917 г. начались разговоры о созыве Конференции, которая объединила бы социалистов европейских воюющих держав, – включая Германию и Австро-Венгрию. Цель Конференции была – пересмотреть цели войны и ускорить общий мир. Сначала как будто этот план имел успех, если не считать крайне левые фракции европейских социалистических партий, но постепенно, при энергичном протесте союзных правительств, он был отброшен. В июне и июле велась подготовка Конференции, которая должна была иметь место в Стокгольме; в августе стало ясно, что она может не состояться, а в сентябре дело окончательно расстроилось. Ленин и крайнее крыло Петроградского Совета стали называть европейских и русских социалистов-оборонцев «социал-предателями», игравшими на руку международным империалистам. История этой несостоявшейся затеи подробно описана в работе Мейнелль (Н. Meynell). Идея Конференции принадлежала Шейдеману и Парвусу (т.е. Второму Интернационалу). Немцы действовали через нейтральных (скандинавских и голландских) социалистов. Первыми заколебались французы, к концу лета англичане присоединились к ним, и русские, в Совете Рабочих и Солдатских депутатов, раскололись на две части окончательно. К 1-му сентября все споры кончились, а в январе 1918 г. организационная комиссия распалась. В это время у Ленина появилась возможность создать Третий Интернационал, без оборонцев: он понял, что оторвать правых социалистов от буржуазных партий он не сможет, и стал надеяться на революцию в Германии и Австрии.

Можно было бы написать книгу о «тирании Парижа над Петроградом», если бы она уже не была написана. Но написана она была о первой тирании, т.е. о той, которая оказалась виднее американскому историку, Джону Кипу (J. Кеер), чем нам самим. Эта первая тирания продолжалась около ста лет, и делала русскую интеллигенцию устарелой в 20 веке, позволяя устарелым идеям 1789 года бесконтрольно владеть лучшими умами России. Кип считает, что параллель судеб Франции и России и приверженность русских «политиков», от декабристов до членов «прогрессивного блока», идеям французской революции, была и неоправданна, и вредна. В 20 веке в этих идеях не оставалось ничего «прогрессивного», и они заморозили русское сознание. Это не значит, конечно, что не может быть написана новая книга – о второй тирании, которая имела, может быть, еще более трагические последствия, чем первая.

К этой второй тирании может служить иллюстрацией такая сцена: полк. Н.Н. Пораделов, с мая-месяца телохранитель Керенского и начальник его охраны, вошел в кабинет Керенского без стука, услышав за стеной громкие голоса (он имел на это полное право). Министр-социалист и масон Великого Востока (30°) Альбер Тома, в Зимнем дворце, в кабинете Керенского стоял перед Главковерхом на коленях, а Марсель Кашен, тогда еще не лидер французской компартии, а только радикал-социалист (и масон), прятал лицо в платок, глуша рыданья. (Личное интервью Н.Б. с Пораделовым в Лонгшене, под Парижем, весной 1941 г.).

Но подписанное с французами и англичанами в 1914 г. соглашение о незаключении сепаратного мира с Германией и масонская клятва русских Великого Востока ни при каких обстоятельствах не бросать союзников, кое-кому из участников Февральской революции постепенно все больше казались гибельными. Эти люди, очень медленно, чувствуя себя если не виноватыми, то глубоко смущенными («через неделю Париж будет взят немцами, если вы подпишете сепаратный мир», – говорил Тома Керенскому), в сентябре 1917 года встали на точку зрения Верховского о необходимости немедленного мира. В.Д. Набокову, который никогда масоном не был, это сделать было легче, чем другим, в том числе – Б.Э. Нольде, который был масоном, и перед которым стояла проблема клятвы братьям-союзникам. Мечта войти в Берлин с востока, одновременно с войсками ген. Фоша, начала испаряться уже с июля – у него и у некоторых других. И после летних неудач в Галиции, куда Керенский срочно выехал в сопровождении Альбера Тома, удрученного не только катастрофой в Гали-

ции, но и делами в Румынии, люди в Петрограде, на верхах министерств и в высшем командовании, стали внезапно исчезать. Они жаловались на болезни, переутомление, говорили о необходимости отдохнуть, переждать некоторые личные трудности, посмотреть, что делается в провинции. И с каждым днем вокруг командующего Петроградским военным округом, молодых военных, так называемых «младотурков», становилось все меньше.

Иным вспоминались непризнанные пророки прежних дней: дипломат барон Розен, в 1914 году говоривший, что Россия никогда не победит Германию, и надо сделать все, чтобы подготовиться к сепаратному миру, или ненавистный многим царский министр П.Н. Дурново (ум. в 1914 г.), сказавший приблизительно то же самое: «Две непримиримо враждебные державы (Франция и Германия) сумели втянуть остальные державы в войну». Говорившие это не были германофилы, это были независимые и серьезные люди, старые люди, видевшие дальше других.

* * *

Одним из имен, наиболее часто повторявшихся перед Февральской революцией и во время нее, было имя князя Георгия Евгеньевича Львова, кадета, земца и Досточтимого Мастера¹⁹. Это был человек «толстовской секты», как тогда говорили, мягкий и кроткий, сторонник непотворения злу. По некоторым, впрочем всегда почтительным, оценкам, он был, что называется, оппортунистом; в формировании первого Временного правительства он был выбран председателем Совета министров и одновременно – министром внутренних дел. Имя его уже несколько лет значилось в секретных списках будущих министров, после устранения царя. Член Гос. Думы, он был в Выборге в 1906 г. со всеми вместе, но «Воззвания» не подписал, сославшись на болезнь. Это не охладило его коллег, кадетов и народных социалистов, они по-прежнему любили и уважали его, а главное, их уже тогда начало беспокоить, что если его вежливо убрать из списков, то заменить его будет некем. Он был бесменный председатель Земгора, о нем написана книга, полная восторга перед его добротой и кротостью. (Т. Полнер. «Жизненный путь князя Львова»). В 1920 г. он поехал в США, чтобы объяснить, что происходит в России. Но популярностью он там не пользовался.

М.А. Алданов писал в 1919 г.:

«Правительство было составлено еще в 1916 г. Оно было составлено на заседаниях у кн. Львова, в номере гостиницы «Франция» в Петербурге, и список будущих министров почти целиком совпадал с первым составом Временного правительства.

(«Сборник в честь 70-летия П.Н. Милюкова», с. 25).

Член к.-д. партии, кн. Львов стремился к тому, чтобы в правительстве все было тихо, и то поддерживал Милюкова против Керенского (в апреле 1917 г.), то Керенского против Милюкова. С Милюковым он был за продолжение войны и против сепаратного мира. Как толстовец, он войну не любил, как масон, он считал неблагородным бросать союзников. Его кадетство никогда не проявлялось ярко, и еще в 1915 г. П.Б. Струве писал А.В. Кривошеину, что «кн. Львов себя кадетом не признает». Милюков однажды сказал, что он «сомнительный кадет». Тем не менее, кн. Львов в 1915 г. регулярно встречался с Маклаковым, С.А. Котляревским, П.Б. Струве у кн. Григория Трубецкого, чтобы тайно обсуждать, что делать.

¹⁹ Лица, о которых идет речь во второй части этой главы (кн. Г.Е. Львов, А.И. Гучков, ген. М.В. Алексеев, ген. А.М. Крымов, А.А. Бубликов, Д.Н. Вердеревский, М.И. Терещенко, Н.В. Некрасов, П.Н. Переверзев, Б.Э. Нольде, П.А. Половцев, П.А. Пальчинский, В. Станкевич, ген. В.А. Черемисов, кн. Г.П. Трубецкой, С.Н. Третьяков, кн. П.Д. Долгоруков) – были масонами. См. Биографический словарь.

Революции среди «прогрессистов» не хотел никто. Ее хотели так называемые «социалисты», но не они были на виду в 1915 г., когда процветала Военная ложа. Александр Иванович Гучков всецело был занят ею. Тяжелые потери в августе 1915 г. на фронте, усиливающееся влияние «темных сил» на царя и смещение Николая Николаевича с поста Верховного Главнокомандующего толкнули Гучкова на мысль о дворцовом перевороте. Мы знаем теперь, что генералы Алексеев, Рузский, Крымов, Теплов и, может быть, другие были с помощью Гучкова посвящены в масоны. Они немедленно включились в его «заговорщические планы». Все эти люди, как это ни странно, возлагали большие надежды на регентство (при малолетнем царевиче Алексее) вел. кн. Михаила Александровича, брата царя. Почему он казался им подходящим человеком – неясно. Говорил ли Гучков об этом с самим Мих. Ал. – неизвестно, но возможность такая у него была, и не раз.

Женатый морганатическим браком Михаил Александрович, не имевший по русским законам права на престолонаследие, стал в умах заговорщиков кандидатом на престол. План в общих чертах был несколько поверхностен: Распутина убрать или убить, царицу заточить куда-нибудь подальше, царя заставить отречься – или убить, а на престол посадить его брата.

До начала нового века Гучков был далек от русской политической жизни. Сравнительно молодым человеком из богатой старообрядческой купеческой семьи он во время войны англичан с бурами (1898) бросился воевать на стороне буров и попал к англичанам в плен. Затем он участвовал в македонском восстании за независимость. Вернувшись в Россию, Гучков стал директором правления Московского Купеческого банка. Он был поклонником реформ Столыпина, но к 1915-1916 гг. занял весьма решительную позицию в вопросе о свержении царя. В 1915 г. он стал во главе Российского Красного Креста. Член Гос. Думы, а затем и Гос. Совета, организатор и председатель Военно-промышленного комитета, он всю жизнь тянулся к военным. Царя он знал лично, он докладывал ему в Царском селе, когда был председателем III Думы. Для него замена ничтожеств, сидевших в царском Совете министров и в высшем командовании, выбранными им и его братьями по ложе достойными людьми (Кривошеин, Игнатъев, Поливанов и др.) была первым шагом к спасению России. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии 2 августа 1917 г. («Падение царского режима», т. 6) он говорит довольно откровенно о своем «детстве», военном заговоре.

Ген. Михаил Васильевич Алексеев, войдя в Военную ложу с рекомендацией Гучкова и Теплова, привел с собой не только Крымова, но и других крупных военных. В этом свете становится понятно, почему именно генералы Алексеев и Рузский приняли участие вместе с Гучковым (и Шульгиным – не масоном) в процедуре подписания царем акта отречения.

Нольде пишет:

«Алексеев числился в кадетях и в кадетском партийном списке по выборам в Учредительное собрание».

М.К. Лемке пишет, что 9 ноября 1915 г. говорил с ген. Пустовойтенко о том, что «Алексеев будет диктатором», и что «у него есть что-то, связующее его с Крымовым. Зреет конспирация с Коноваловым и Гучковым, и ими обоими». И, внезапно, неожиданное сообщение: «вел. кн. Николай Михайлович относится к Алексею очень тепло».

Но несмотря на поддержку в ложах и почти ежедневные вечерние собрания – открытые и закрытые – и поездки с фронта в Петроград и Москву, этот первый заговор дальше разговоров не пошел. Гучков уехал на фронт. У его единомышленников возник новый план.

В этом втором заговоре Гучков играл менее значительную роль, он теперь был на фронте. Он быстрее других охладевал после неудач. В это время Алексеев начал вести двойную игру – написал царю верноподданническое письмо, а вместе с тем занял видное место в оппозиции. 16 января 1916 г. он привез кн. Львова и Челнокова в Ставку, в Могилев, и

свел их с царем. Вырубов пишет, что «царя волновали отношения (близость) Алексеева и Гучкова». Весьма вероятно, что через английского посла Бьюкенена слухи об обоих заговорах дошли до Ллойд-Джорджа²⁰.

В это же время ген. Ломоносов, полк. Мстиславский-Масловский (позже, весной 1917 г., назначенный комиссаром Северного флота) и Станкевич были ближайшими людьми к ген. Алексееву, состоя с ним в одной и той же ложе.

В январе 1916 г. «ген. Алексеев вел интимные переговоры с кн. Львовым». (Мельгунов. «На путях...», с. 94-97). Когда Алексеев по болезни уехал в Крым, Львов приезжал к нему для переговоров. Связи заговорщиков с ген. Крымовым были известны не одному Лемке. Известно письмо Гучкова к ген. Алексееву летом 1916г. с критикой правительственных действий, после отставки министра иностранных дел Сазонова. «Это письмо распространялось тайно» (Дякин. «Русская буржуазия...»). Тогда же Алексеева навещал М.В. Родзянко. В это время в Петербурге ходили слухи, что этот последний готовит доклад для съезда Промышленного комитета «об учреждении диктатуры», и ген. Маниковский (масон Военной ложи) уже имеет в руках копию этого доклада.

Ген. Алексеев, как пишет Мельгунов, «был связан с Гучковым, кн. Львовым и Родзянко еще до 1917 г.» («Легенда...»).

Вел. кн. Александр Михайлович в своих воспоминаниях сообщает:

«Ген. Алексеев связал себя с заговорами (вместе с ген. Рузским и Брусиловым), с врагами существующего строя, которые скрывались под видом представителей Земгора (кн. Львов), Красного Креста (Гучков), Военно-промышленного комитета (Коновалов), и др. Все генералы хотели, чтобы Николай II немедленно отрекся от престола. Это были генералы-изменники»
(с. 286).

Царский жандарм, ген. Спиридович пишет в своих воспоминаниях о важных собраниях в Петербурге, в октябре 1916 г., под председательством М.М. Федорова, на частных квартирах, в том числе и у Горького²¹. На одном из собраний было решено вынудить у царя отречение от престола и убить его. Об этом было сообщено тогда же кн. Львову и Челнокову, а также Родзянко, и тогда же был составлен список будущего Временного правительства.

Через 50 лет меньшевик Г.Я. Аронсон писал:

«Решительные люди – их имена теперь известны – это Гучков, Терещенко, ген. Крымов, кн. Д. Вяземский...
(«Россия в эпоху революции», с. 6).

В 1918 г. Гучков отдалился от масонства окончательно. Бывший министр Сухомлинов называет его в своих «Воспоминаниях» «масоном первого призыва». В том же году вышел из

²⁰ Через четыре месяца после Февральской революции английский премьер-министр через масона К.Д. Набокова приглашал ген. Алексеева в Англию. Алексеев пользовался большим уважением у союзников, но в Англию не поехал. «Он не хотел встречаться с французскими масонами, – пишет Верховский. – Он знал их по приездам в Россию».

²¹ Эти собрания происходили не менее двух раз в месяц (Гувер, ПА). В Москве масоны собирались в частных домах и квартирах у П.П. Рябушинского, у Кусковой и Прокоповича, у Коновалова (в его загородном доме), у Челнокова, Долгорукова, Гучкова и др., в Петербурге – в отдельных кабинетах в ресторане «Контан» и у Донона, а также у Орлова-Давыдова, у Федорова, у Половцева, у Меллер-Закомельского, Горького и др. В 1916 г. на собраниях в квартире Горького возникает «морской план» дворцового переворота (Мельгунов, Шульгин и др.), на который якобы согласны А.В. Колчак, Капнист (инициалы неизвестны). Там же появляется подруга Ек.П. Пешковой – Ек.Дм. Кускова. У Бьюкенена в январе 1917 г. на собрании присутствовали также «сын Столыпина» (может быть, брат?) и ген. Рузский. Обсуждался план дворцового переворота и был назначен день: 22 февраля 1917 г.

масонства и ген. Алексеев. И тот, и другой были подвергнуты радиации (масонский термин, означающий исключение); братья вычеркивались из списков навсегда или на время, если провинность была небольшая. При окончательной радиации даже имя бывшего «брата» оказывалось под запретом и никогда больше не упоминалось. Братьям давалось право клясться именем Великого Геометра, что такой-то не состоит и никогда не состоял в членах тайного общества.

Одной из трагических жертв дела Корнилова оказался ген. А.М. Крымов: он покончил с собой после неудачи ген. Корнилова.

Вот несколько свидетельств об этом человеке, принадлежавших авторам самых различных политических направлений:

«Было еще две группы, подготовлявших переворот. Руководителем одной, в которую входили преимущественно офицеры, был ген. Крымов, намечавший, вместе со своим отрядом, план нападения на царский поезд. В случае отказа царя отречься от престола, решено было физически его устранить»
(Семенников. *«Политика Романовых»*, с. 216).

«Этот Крымов участвовал в очень серьезном военно-фронтовом заговоре против Николая II перед революцией»
(Гиппиус. *«Синяя книга»*, с. 192).

«После его самоубийства стало известно, что он в начале 1917 г. обсуждал в тесном кружке будущий переворот. А другой кружок прогрессистов, с участием некоторых земско-городских деятелей, обсуждал роль Гос. Думы после переворота»
(Граеве. *«К истории...»*).

«После дела Корнилова, Керенский стал кричать на Крымова, что сорвет с него эполеты. Крымов ответил: «Не ты, мальчишка, мне их дал, не ты и сорвешь».
(Мельгунов. *«Воспоминания и дневники»*, с. 226).

«Терещенко был на его похоронах и положил ему перчатку в гроб»
(Интервью с С.П. Мельгуновым. *Париж, 1950*).

Временный думский комитет²², созданный наспех 28 февраля 1917 г. и распущенный в ночь со 2 на 3 марта, когда было создано Временное правительство, назначил директором всех российских железных дорог инженера А.А. Бубликова, а его помощником – лейтенанта Грекова. Советский историк Черменский («Четвертая Дума...») пишет, что Бубликов стра-

²² Временный Думский комитет был сформирован на заседании Гос. Думы 27 февраля в Таврическом дворце (на этом Совете Старейшин присутствовали 294 депутата). К полуночи был создан комитет, куда вошли думцы и полк. Энгельгардт, комендант Таврического дворца. Вслед за этим, в ночь со 2-го на 3 марта, было образовано Временное правительство, и Думский комитет был распущен. Этот комитет, просуществовавший 48 часов, состоял из следующих лиц: Родзянко, Милюков, Шульгин, кн. Львов, Чхеидзе, Некрасов, Караулов, Ржевский, Шидловский, Энгельгардт, Шингарев, Керенский, Дмитрюков. Из 13 человек три первых – не масоны, а последний принадлежал к масонскому «арьергарду». Этот комитет был наделен «неограниченными полномочиями».

дал «властобязною» уже с 1915 г. Он боялся созыва Гос. Думы, был счастлив, когда ее распускали: «Зачем созывать Думу? Как они будут управлять? Мы не умеем...» Он сам был членом Думы с 1912 г. Он также считал, что мораль в политике только вредна. Пример этого был для него кн. Львов – непротивленец, слабый, а на посту министра внутренних дел нужен был сильный и даже властный человек. Об умственном уровне Бубликова свидетельствуют его воспоминания «Русская революция», написанные в 1918 году. Там он всех министров Временного правительства называет «нелепыми людьми»:

Терещенко – курьез, «маленький чиновник по балетной части», Годнев и В. Львов «виновники нелепых действий», Гучков – октябрист, «член партии, измышленной правительством», Керенский и Терещенко «почему-то умудрились удержаться на министерских постах» .
(с. 31).

Тем не менее, Бубликову была дана огромная власть, в его руках оказался весь транспорт. Его масонская степень неизвестна, но другой, менее заметный человек – Д.Н. Вердеревский, адмирал и морской министр, в сентябре-октябре 1917 г. был масон 33°, второй «Охранитель Входов», депутат в Конвент (позже, в Париже – Досточтимый Мастер Ареопатов и член Верховного Совета Народов России). Военный Министр Верховский без ложной скромности писал:

«За месяц до Октябрьской революции только два человека понимали, что происходит – Вердеревский и я сам».
(А. Верховский. «На трудном перевале», с. 363).

Адмирал Вердеревский и министр Верховский (1886–1938), несмотря на то, что последний не был масоном, были в близких отношениях и одинаково критически относились к Временному правительству. «Ничего кругом, кроме оппозиционной болтовни в кругах октябристов», – писал Верховский уже весной 1917 г.

К двум заговорам, в которых ведущую роль играли масоны, необходимо прибавить еще один, к которому они тоже были причастны, хотя и в меньшей степени. В центре этого заговора оказался вел. кн. Николай Николаевич, которого летом 1915 г. царь услал на Кавказ, заняв, на радость царице, его место Верховного Главнокомандующего.

Царица усердно писала царю, что «Николашу» надо убрать, что он знает с членами Гос. Думы, завидует царю и хочет сесть на его место. Вся же остальная Россия, начиная с ультраправого депутата Пуришкевича, понимала, что этот царский шаг еще больше приблизит его к гибели, а Россию – к катастрофе.

Участники этого заговора решили осенью 1916 г. выждать удобную минуту и убрать царя, после чего посадить на престол конституционного монарха, вел. кн. Николая Николаевича. Этот последний, живший в это время в Тифлисе, видимо, не делал никаких шагов, чтобы поощрить заговорщиков, но не говорил им и категорического «нет».

Николай Николаевич был когда-то мартинистом. Известно, что он поддерживал дружеские отношения с русскими масонами; в частности, одним из его ближайших друзей был Александр Иванович Хатисов, городской голова Тифлиса, член к.-д. партии, председатель Кавказского Земгора и масон 33 степени. Хатисов был членом Гос. Думы, армянин, женатый на русской. Они с женой бывали на официальных приемах у великого князя, теперь – Главнокомандующего Кавказской армией, иначе говоря – южного фронта. А кроме того, Хатисов имел «свободный вход» к Николаю Николаевичу во всякое время, что очень ценил.

История этого заговора погребена в наполовину истлевшем номере русской эмигрантской газеты «Последние новости» (22 апреля 1928 г.), вышедшей в Париже в 1920–1940 гг. Теперь ее можно получить в некоторых книгохранилищах США на микрофильме, но к

сожалению, к моменту, когда ее решили переснять, текст был сильно испорчен временем. Автор этой мемуарной статьи, С.А. Смирнов, был масоном 30°, и называлась она «История одного заговора». Тот факт, что историк П.Н. Милюков, редактор «Последних новостей», напечатал эту статью, будучи сам, хотя и в очень слабой степени, причастен к заговору, придает рассказу максимум достоверности.

Как заговор Гучкова 1915 г., и как заговор кн. Львова – Терещенко – Крымова 1916 г., этот заговор не осуществился. Привожу, несколько сокращая, рассказ Смирнова:

«В начале зимы 1916 г. 23 в Петербурге, в среде окружавшей кн. Г. Евг. Львова, будущего главу Временного правительства, возник проект дворцового переворота. Предполагалось убрать Николая II и посадить на трон вел. кн. Николая Николаевича, сына Николая Николаевича-старшего и внука Николая I. Как известно, Ник. Ник. в конце лета 1915 г. был смещен со своего поста Верховного Главнокомандующего и назначен Наместником Кавказа и Главнокомандующим Кавказским фронтом. Все, без исключения, заговорщики хотели «покончить с монархом и сохранить монархию».

Кн. Львов был в это время председателем Земгора. Проект заместить царя его родственником возник в кругах Земгора, во время (возможно – несколько ранее) съезда Московского Земгора. Сначала князь Павел Дмитриевич Долгоруков предоставил было съезду помещение в своем особняке, но полиция запретила подозрительные собрания.

Съезд Земгора был разогнан в день его открытия, и в начале декабря, часов в 10 вечера, кн. Львов срочно пригласил к себе в особняк, в котором он сам жил, Долгорукова, Челнокова, Федорова и Хатисова. Все четверо принадлежали к одному Уставу и были близкие друзья, братья высоких степеней. Львов познакомил их со своим проектом дворцового переворота: после того, как царю предложено будет отказаться от престола, и вел. кн. Ник. Ник. будет объявлен царем, правительство Николая II будет немедленно разогнано, и на его место назначено ответственное министерство.

Львов добавил к этому, что 1) у него имеется 29 подписей председателей губернских земских управ и городских голов, поддерживающих его план, 2) вел. кн. Ник. Ник. знает об этом проекте, и 3) сам Львов будет назначен председателем совета министров в будущем министерстве.

А.И. Хатисову было предложено выехать в Тифлис с миссией: переговорить с великим князем, с которым он состоял в дружеских отношениях. Если Хатисов получит от Николая Николаевича согласие на немедленные действия, он сейчас же вышлет из Тифлиса телеграмму: «Госпиталь открыт приезжайте». Получив такую телеграмму, Львов должен будет срочно вызвать А.И. Гучкова с фронта и пригласить его участвовать в заговоре (о котором Гучков уже был, разумеется, осведомлен).

Прежде чем Хатисов выехал в Тифлис, он поехал из Москвы в Петроград, чтобы повидать Милюкова и Чхеидзе. От них он никакой поддержки не получил. Милюков считал, что очень скоро будет революция, а Чхеидзе ответил, что никакой революции не будет, и что царский режим не может быть изменен.

30 декабря 1916 г. Хатисов приехал в Тифлис. В тот же день он получил аудиенцию у великого князя. Хатисов спросил его, может ли он конфиденциально переговорить с ним. Николай Николаевич попросил его высказаться. Выслушав его, великий князь задал ему два вопроса: 1) не будет ли русский народ оскорблен в своих монархических чувствах? и 2) как отнесется к отречению царя армия?

Он попросил отложить свое решение на два дня. Хатисов, конечно, дал ему на это согласие. Он также сказал ему, что ген. Маниковский готов всячески помочь в этом деле

с армией. В тот же самый день рано утром приехал в Тифлис вел. кн. Николай Михайлович (историк и масон), чтобы сообщить Николаю Николаевичу важную новость: 16 великих князей договорились о том, чтобы свести Николая II с его трона. Они обещали полную поддержку, считая (как и сам Николай Михайлович), что Николай II должен быть убран. Важно заметить, что разговор Ник. Мих. с Ник. Ник. был до разговора этого последнего с Хатисовым.

3 января 1917 г. Хатисов явился за ответом. Ник. Ник. сказал ему, что он решил уклониться от участия в заговоре. По мнению Хатисова, он совещался в эти дни с ген. Янушкевичем и со своей женой.

За три дня до революции, в феврале 1917 года, Хатисов, будучи в Тифлисе, узнал, что о его переговорах с великим князем стало известно при дворе. Говорили, что Николаю II доложил о них Климович, в это время директор Департамента полиции. Хатисов также узнал, что царь решил сместить наместника Кавказа и дать ему новый пост на Дальнем Востоке. (Этому помешала Февральская революция).

27 февраля Хатисов был вызван к Николаю Николаевичу, и великий князь сообщил ему новости из столицы, полученные им утром по прямому проводу. Командующий Кавказским фронтом попросил Хатисова объехать тифлиссские казармы, вместе с ген. Болховитиным, и сообщить солдатам и офицерам, что он сам, Ник. Ник., сочувствует революции, а также пригласить к нему во дворец, в этот же вечер, лидеров грузинских социал-демократов и членов армянской партии Дашнакцутюн²³²⁴.

На приеме лидеров, которых привел Хатисов, вел. кн. повторил, что он всецело за революцию, и спросил грузинского лидера Жорданию, верит ли он ему? Жордания ответил ему: «Да, мы Вам верим».

Через несколько недель Николаю Николаевичу пришлось с большими предосторожностями выехать из Тифлиса. Его поезд отошел в 4 часа утра, с потушенными огнями. С этим же поездом выехали генералы Янушкевич и Вольский – обоим ненавидели в Тифлисе».

Будучи лично (через моего отца), знакома с Хатисовым, я спросила его в 1929 г., в Париже, где он жил, верно ли то, что написал о нем Смирнов. Он подтвердил мне, что все написанное верно.

* * *

От министров Временного правительства – его коллег – до простых людей, читающих газеты, шел вопрос: откуда он? кто он? И некоторое время на это не было ответа. Дилетант в политике, Михаил Иванович Терещенко не оставил после себя воспоминаний. Были интервью, одно или два. В рассыпавшихся в пыль старых газетах они не уцелели. С молодости, – Киев, Петербург, заграница, – он был окружен дымкой странных дружб: английский посол, Александр Блок, А.М. Ремизов, вел. кн. Николай Михайлович. В Петербурге он писал о балете и начал свое издательство «Сирии», где издавал Ремизова, стихи Блока, «Петербург» Андрея Белого. После 1917 г. он жил до конца своих дней в Лондоне, был человеком состо-

²³ «Начало зимы», судя по тексту, надо понимать как начало декабря.

²⁴ Армянская Национальная партия Дашнакцутюн была социал-демократической (меньшевистской). Ее шумный процесс в Петербурге, в особом присутствии Сената в январе-марте 1912 г., происходил при закрытых дверях, публика допускалась только по специальным приглашениям. Судилось 150 человек, членов партии. Было вызвано около тысячи свидетелей. Судебное следствие велось по 30-ти самостоятельным группам. Перед судьями лежало 135 томов предварительного следствия. Судебным следователем по особо важным делам был Александров. Беспорядок был полный – главным образом из-за количества бумаг, людей и неорганизованности всего дела, а также из-за шумного поведения публики. Документы исчезали без следа, документы подделывались, переписывались и терялись. От имени защиты говорили Зарудный, Керенский и около 10-ти адвокатов. Подсудимые были высланы в Финляндию и подпали под амнистию в 1914 г. (См. Вестник Европы, 1912, март).

ятельным и, видимо, не общался ни с кем из прежних «сослуживцев» и русских современников. Была ли у него в Лондоне семья, появлялся ли он в английских масонских ложах? Как будто бы нет. Во всяком случае, нет следов каких-либо его контактов с собственным прошлым.

Между тем, он прожил долгую жизнь, он умер 70-ти лет. Его бумаги неизвестно где. Но были ли они? Он уехал из России в чем был. И он, кажется, не любил писать – письма, дневник, или мемуары.

Но о нем есть несколько интересных свидетельств, не как о государственном деятеле, но как о человеке. Царский министр земледелия А. Наумов, либерал и масон, описал в своей книге «Из уцелевших воспоминаний», как однажды в Киеве киевский губернатор показал ему Терещенко, «скромно державшего себя молодого человека с бритым, довольно выразительным лицом американского типа, из выдающихся деятелей последнего времени».

Вел. кн. Ник. Мих. (Романов) в письме к своему парижскому другу Фредерику Массону называет его «мой сосед»: «Вижу его ежедневно... Мой друг... Знал его еще в Канн, мальчиком, видел, как он впервые вошел в казино Монте-Карло... В 9 часов утра мы с ним обсуждаем прошедший день»²⁵. Фредерик Массон, в номере от 23 июня 1917 г. (правой) французской газеты «Ле Голуа», помещает статью, инспирированную вел. князем, о Терещенко (и Керенском). Статья не в меру лестная.

Вот запись в дневнике А. Блока от 7 ноября 1912 г.:

«Михаил Иванович Терещенко говорил о том, что он закрывает некоторые дверцы с тем, чтобы никогда не открывать, если отпереть – только одно остается: спиваться. Средство не отпирать (закрывать глаза) – много дела, не оставлять свободных минут в жизни, занять ее всю своими и чужими делами».

(Собр. соч., М.-Л., 1963, т. 7, с. 175).

Свидетельство В.Д. Набокова: «Французские и английские дипломаты относятся лучше к Терещенко, чем к Милюкову. Почему?» (Архив русской революции, кн. 1).

Свидетельство французского посла Нуланса: «Терещенко каждое утро собирал у себя послов Франции, Англии и Италии».

Военный министр Колчака А. Будберг – мемуарист, достойный доверия, отзывается о нем менее доброжелательно: «Терещенко рассылал нашим послам (за границей) самые успокоительные телеграммы, когда все трещало» (Архив русской революции, кн. 12, с. 252).

И.Г. Церетели говорит о нем в связи с заговорами против царя:

«(Вместе с Гучковым) он попал (в заговор) только благодаря своим личным связям с популярными членами Гос. Думы». (Интервью в «Новой жизни» от 20 июня 1917 г., в связи со Стокгольмской конференцией).

Церетели предпочитал ему Некрасова, может быть потому, что «после июля Терещенко стал саботировать дело демократии».

(Церетели. «Воспоминания», т. 1, с. 65 и сл.).

По словам Милюкова, «Терещенко и Некрасов попали в министры в силу своей близости к конспиративным кружкам» («Воспоминания», цит. выше).

После самоубийства ген. Крымова Терещенко дал об этом сообщение в газеты. Судя по некоторым кратким свидетельствам, он очень тяжело пережил эту смерть. В сентябре 1917 г. он дал интервью по этому поводу в «Русских ведомостях», где упомянул о заговорах 1916-1917 гг., в которых участвовал Крымов.

²⁵ Вел. кн. жил в своем дворце на Миллионной ул., а Терещенко сидел в министерстве иностранных дел на площади Зимнего дворца.

Наконец, 26 сентября / 9 октября французский, английский и итальянский послы были у Терещенко официально, и требовали восстановить боеспособность русской армии. Терещенко это им обещал, хотя был «удивлен, возмущен и обижен». (Розен. «40 лет...»)²⁶.

Об этом писал и Ф. Дан:

«Временное правительство, на мой взгляд, слепо шло на поводу у дипломатов Антанты и вело и армию и революцию к катастрофе». (*Летопись революции, кн. 1, с. 169*).

Брюс Локкарт, английский агент в России в 1918 г., в своей книге «Две революции» писал:

«(Терещенко) бежал из России через Архангельск²⁷. Он встретился там с Фрэнсисом (американским послом в России). Под именем Титова, дипломатического курьера, он пробрался северным путем в Сибирь, для воссоединения с Колчаком. Фрэнсису он сказал, что 1 августа 1917г. он получил очень выгодное предложение сепаратного мира от Германии. Он никому об этом не сообщил, кроме Керенского. Терещенко очень гордился своим поступком». («Two Revolutions». 1957, с. 294). В следующем издании этой книги (1967) Локкарт добавил: «Терещенко сделал в Лондоне весьма успешную карьеру, как финансист» . (с. 87).

В заключение уместно будет дать цитату из книги американского посла Дэвида Фрэнсиса, дополняющую сообщение Локкарта:

«Вскоре после того как его назначили министром иностранных дел, я устроил себе встречи с ним ежедневно, в определенный час. В результате мы скоро подружились. Терещенко сохранял верность Керенскому, которого он ставил высоко до последних двух-трех недель перед большевистской революцией. Я не знал, что он потерял доверие к Керенскому, пока он сам мне об этом не сказал, придя ко мне инкогнито уже во второй половине октября 1918 г., в Архангельске.

Когда после падения Временного правительства, уже во время большевистского режима, немцы подошли к Петрограду на расстояние 25 миль, – что стало причиной отъезда всех союзных миссий из Петрограда, – Терещенко и другие бывшие министры были выпущены из Петропавловской крепости. Уйдя в подполье на несколько недель, Терещенко удалось пройти через линию фронта (гражданской войны) в Швецию. Он сказал мне, что до середины лета прожил в Норвегии, на ферме, принадлежавшей одному из его подчиненных. Он сказал также, что намерен пройти к Колчаку (как курьер русского посланника в Швеции, Гулькевича), а если не удастся, хотел бы поехать в Америку. Я обещал дать ему паспорт в Америку, но он все еще был в Архангельске, когда мы ушли оттуда 6 ноября 1918 г.

Позже, в Лондоне, я слышал, что он находится в Стокгольме».

²⁶ Розен говорит в связи с этим случаем, что «Временное правительство (Керенский и Терещенко) было мягким воском в руках Антанты, чему доказательством уже было июньское наступление».

²⁷ 6 января 1918 г., «в свой последний день перед отъездом из России выпущенный из крепости Терещенко пошел проститься с вел. кн. Николаем Михайловичем. Тот поцеловал его крепко в обе щеки и в лоб». На следующий день Терещенко выехал в Торнео. (Бьюкенен, с. 247).

В книге Фрэнсиса перепечатано официальное заявление, которое Терещенко сделал союзникам после своего вступления в должность министра иностранных дел, где была изложена программа российского правительства (и его самого): всеобщий мир, без аннексий и контрибуций, прочные связи с союзными державами, отрицание возможности сепаратного мира («ни одна партия не ищет его»), опубликование тайных соглашений царского правительства с союзниками («народ должен все знать при демократии»), расширение и укрепление доверия между Россией и союзниками, взаимная помощь, война оборонительная, не наступательная, и освобождение немцами занятых ими стран.

«Тройка» или «Триумвират»: Керенский, Терещенко, Некрасов, – или, как его иногда расшифровывают – Терещенко, Некрасов, Коновалов (вокруг Керенского), показывает с несомненностью, что членов тайного общества объединяло нечто более сильное и прочное, чем профессия, политическая партия или родство. Что, действительно, было общего между Керенским, профессиональным юристом и политиком, членом трудовой партии, и баловнем судьбы Терещенко, балетоманом, молодым купеческим сыном, который сегодня – издатель модных авторов, завтра – балетный критик, послезавтра – министр иностранных дел великой державы? Или между инженером-путейцем, автором акта отречения вел. кн. Михаила Александровича от трона Некрасовым (окончательная редакция В.Д. Набокова), «попавшим», по выражению Церетели, «в сети демократии, ищущего связи с ней, хоть он и не социалист» и – председателем Военно-промышленного комитета, миллионером-текстильщиком Коноваловым, который на Московской бирже, в банках, на своих фабриках (где, как говорили тогда, он выстроил для своих рабочих больницу), чувствует себя как дома, а вот в министерском кресле, после нескольких месяцев, – все еще в гостях? И где найти таких других четырех людей, которых объединяло бы что-то, о чем они не могли сказать даже близким, и что держало их крепче, чем полковая служба, спортивная команда, родство по крови?

У Николая Виссарионовича Некрасова одна блестящая идея сменялась другой: он хотел сделать ген. Маниковского военным диктатором, он хотел организовать дворцовый переворот и дать волю «социальной общественности», он хотел создать Союз Союзов и центром его сделать квартиру Коновалова. В 1915-1916 гг. он, играя в заговорщики, называл себя «дирижерской палочкой заговора»²⁸. Когда Керенский вышел в премьеры, он был назначен вице-премьером, – это значило, что если Керенский на фронте, то Некрасов делается председателем Совета министров. Бьюкенен думал о нем, как о сильном и способном человеке, который мечтает стать главой правительства. Милюков называл его предателем. В 1917 г. Некрасов больше всего на свете хотел сблизиться с Контактной комиссией, осуществлявшей связь между Петроградским Советом и Временным правительством²⁹. Он был повсюду: около Маклакова, около Астрова, даже около Шульгина: он звал его в ложу, но Шульгин (как и Мельгунов) отказался от чести. Еще в марте 1916 г. он мечтал единолично создать «высший орган», который будет «штабом общественных сил России». Он советовал «обращаться вниз, а не вверх» – это Милюков с отвращением называл «поиграть в революцию». Керенский с фронта (в июле) пытался телеграфно требовать его ухода, но он в это время,

²⁸ Проследить от начала до конца всю цепь отношений Гучкова с Некрасовым – трудная задача. Гучков в октябре 1916 г. как будто опять ищет помощи у Некрасова и верит в него. В свой внутренний круг он включает (или собирается включить) Терещенко и Крымова. Проектировал ли он новый заговор или пытался восстановить свой прежний – неизвестно. Гучков и Некрасов поровну поделили черты Петра Степановича Верховенского из «Бесов».

²⁹ Как известно, с самого начала марта образовались две правительственные группы: Петроградский Совет и Временное правительство. Прозорливые люди (ничтожное меньшинство) сразу увидели, что здесь начнется раскол, здесь возникнут неразрешимые противоречия и, хотим мы этого или нет, Совет победит. (К этому меньшинству принадлежал и сэр Джордж Бьюкенен). Контактная комиссия была звеном, соединяющим Петроградский Совет и Временное правительство. От Советов делегатами в разное время были Чхеидзе, Церетели, Соколов, Скобелев и др. От Временного правительства с первого дня – Керенский, затем Некрасов и др. Если говорить о контакте между прогрессистами-масонами и большевиками, то мне известен только один случай: на одном из собраний присутствовал Скворцов-Степанов. (Кускова, переписка).

во второй коалиции, чувствовал себя прочно, как тов. председателя Совета министров (т.е. Керенского) и никуда не ушел. Борьба с Керенским, зависть к нему, – все это умещалось в нем. Затем пришел Октябрь.

Как мы теперь знаем, Некрасов работал как инженер на постройке Беломорско-Балтийского канала (1929-1932). В конце 1930-х гг. он исчез. Впрочем, небольшой след остался: он положил в архивы одну бумагу, где изложил кое-что о самом себе, о 1917 годе, о масонстве. К сожалению, эту бумагу прочел и обработал не историк, а советский «беллетрист», который «художественно» подал материал. Историки опасливо цитируют здесь и там его строки, а советская критика тяжеловесно и сердито обругала его. (Яковлев. «1 августа 1914»).

К истории получения партией большевиков так называемых «немецких денег» – сначала в Швейцарии, а затем в России – история масонства не имеет прямого отношения: открытие государственных архивов Германии и опубликование самого факта в подробностях ответило на все эти вопросы: немцы, как говорится, «делали ставку» на русскую революцию, рассчитывая, что пораженческие настроения в ней достаточно сильны, и что революционная Россия заключит с ними сепаратный мир (а с союзниками Германия справится и одна). Вывод из этого был сделан: они подкупали, стараясь это делать не слишком заметно, пораженческую левую печать, без труда переводили деньги в Женеву, и нашли канал, после приезда Ленина в Россию, в апреле, переводить их в Петербург. Но член Временного правительства, Досточтимый Мастер Павел Николаевич Переверзев, с помощью Г.А. Алексинского, в прошлом – большевика, а теперь яркого антиленинца, решил разоблачить этот подкуп. Они в газете Бурцева «Общее дело» напечатали все, что знали, несмотря на то, что Керенский и другие министры требовали от них (временного) молчания. Газета Бурцева была на время закрыта по приказу Временного правительства, а Переверзев отставлен от своего места министра юстиции и прокурора Петроградской судебной палаты. Переверзев считал, что выводя большевиков «на чистую воду», он может предотвратить их выступление – оно началось на следующий день, 3 июля.

Некрасов и Терещенко были с Керенским полностью согласны. О поступке Переверзева позже писали многие: Милюков, французский посол Нуланс, Половцев, Никитин и др. Но лучше всех определил поступок Переверзева И.В. Гессен: «Когда Переверзев доставил газетам данные, уличавшие Ленина в государственной измене, Некрасов поспешил дезавуировать Переверзева, который и вышел в отставку». (Архив русской революции, кн. 22, с. 370).

Переверзев в эмиграции был окружен какой-то особой холодностью своих коллег по партии, но не по ложе: будучи масоном 33°, он был верен тайному обществу с его самых первых лет – его имя можно найти уже в списках 1908 года. А в Парижском архиве хранятся приглашения, рассылавшиеся братьям за подписью шести Мастеров, среди них на первом месте его имя. Он всегда был страстным сторонником сближения обоих Послушаний, если не их слияния.

В конце сентября 1917 г., за месяц до Октябрьского переворота, член к.-д. партии, юрист и дипломат Борис Эммануилович Нольде, на одном из очередных заседаний ЦК кадетской партии, которого он был членом, произнес краткую, но сильную речь. Он старался убедить аудиторию, что быть за мир, стараться добиться мира, – не значит искать сепаратного мира. Этот парадокс не мог убедить большинства его товарищей по партии, но присутствовавшие в этот вечер Аджемов, Винавер, Добровольский и В.Д. Набоков поддержали его³⁰. Они считали, как и он, что «пора свернуть с путей классического империализма», –

³⁰ 21-25 сентября кадеты, составившие к этому времени группу, ищущую «разумного мира» – Нольде, Аджемов, Винавер, Набоков, – собрались у Г. Трубецкого. В этот вечер к ним, видимо, примкнул и Коновалов. 1 октября они составили и послали письмо Терещенко, за подписью Трубецкого.

к этому их привело семимесячное скольжение Временного правительства вниз. Формула Нольде в последний трагический месяц России была: «или разумный мир, или торжество Ленина». Но дороги к разумному миру не было, и не было сделано ни шага в этом направлении.

Нольде принадлежал к удивительной породе русских людей, говорю «русских», потому что в мое время в России (и потом в эмиграции) главным фактором, которым определялась национальность человека, был язык. Не религия, как в Индии, не происхождение, как в США, а язык, и ни европейски образованные балтийские бароны, ни евреи, праздновавшие свои праздники, ни армяне, ходившие в свою церковь (Невский пр., против Гостиного двора – там теперь склад мебели), ни другие «меньшинства», как их называют в Западном мире, родившиеся в России, не сомневались, что они прежде всего русские, – в этом вовсе не было ложного или ненужного патриотизма, – скорее это относилось к языку и к паспорту, который давался русским подданным.

Удивительной в Нольде была какая-то особенно прочная связь культуры и цивилизации (тогда эти два понятия значили разные вещи), – знание шести языков, юридическое образование (Петербургский университет), дипломатическая карьера, интерес к музыке, литературе, живописи, и его ощущение, в любой гостиной, в любом городе, свободы и собственного достоинства.

В эти последние недели перед Октябрем Нольде бывал на собраниях и у Г.Н. Трубецкого, и у бывшего тов. министра Нератова, и у Родзянко – Москва и Петроград как-то сблизились в хаосе происходящего, поезда летали туда и сюда, в вагоне-ресторане засиживались до полуночи, просыпались в Клину. В Петербурге встречались все те же, – Набоков, Терещенко, ген. Алексеев, вернувшийся в к.-д. партию и не имевший в эти месяцы должности в правительстве Керенского, и Коновалов, живший теперь в Петербурге, и даже Маклаков перед тем как уехать на свою новую должность в Париж.

До войны Нольде был выучеником Сазонова, – это была серьезная школа; в марте 1917 г. он заменил Половцева (делавшего военную карьеру), как тов. министра иностранных дел. Позже, в эмиграции, Нольде написал свои воспоминания и книги о франко-русских отношениях, и в одной из них он, несмотря на свою принадлежность к тайному обществу и 33°, писал:

«Уход Милюкова из состава Временного правительства 30 апреля 1917 г. обнаружил глубокий кризис: этот уход был вызван совместными усилиями Керенского и Альбера Тома»
(«Далекое и близкое», с. 139-155).

Был ли Нольде радиирован, или сам ушел из масонства, узнать из документов Парижского архива мне не удалось.

Петр Александрович Половцев из дипломатов попал весной 1917г. на должность комиссара Петроградского военного округа, при командующем ген. Корнилове, которого он очень скоро заменил на этом высоком посту, когда сам был произведен в генерал-майоры. Он был масоном 33°, членом Верховного Совета Народов России, Досточтимым Мастером в «Северном Сиянии». Он начал свою карьеру в дипломатии благодаря родственным связям. В 1905 г. он вступил в должность помощника военного атташе при русском посольстве в Лондоне (послом был тогда А.К. Бенкендорф).

Попав в ложу, Половцев немедленно начал называть братьев-масонов «младотурками», тем самым не нарушая клятвы, но играя на пороге ее нарушения. Он оказался в окружении масонов «Северного Сияния» и Военной ложи: Якубовича, Туманова, Энгельгардта, Пальчинского и других, примкнувших в марте 1917 г. к Керенскому. До этого, пишет Половцев

в своих воспоминаниях, он «не знал разницу между с.-р. и с.-д.» Младотурки все были «за Алексеева» и «против Брусилова». Верховский тоже считал себя младотурком – никто против этого не возражал. Все они делали быструю карьеру, с мая они образовали вокруг Керенского кольцо, которое постепенно начало распадаться в августе.

После июльских дней Половцев отдыхал в своем имении, а затем вернулся в Петроград. Хотя он и был доволен тем фактом, что «младотурки воцарились повсюду», но что-то в настроении столицы не понравилось ему. Он критиковал Керенского за слабость в подавлении июльского восстания, хотя сам отпустил на волю арестованного Каменева и других большевиков, боясь что Петроградский Совет с ним, Половцевым, «расправится». Со своего высокого поста он был смещен, положение на фронте ему тоже не нравилось; 16 сентября он уехал на Кавказ и после многих недель скитаний, гражданской и партизанской войны, стал начальником штаба Дикой дивизии, – так называлась теперь Кавказская туземная конная дивизия, объединившая кабардинцев, дагестанцев, чеченцев, ингушей и татар.

В 1918 г. он начал искать выход для себя. Выход был один – бежать за границу. Это оказалось сложнее, чем он предполагал, но в конце концов, спустя много месяцев, он оказался в Афинах. В Париже у него были крепкие родственные, масонские и дипломатические связи. Он приехал в Париж 1 декабря 1920 г. и напечатал в популярной тогда газете «Эко де Пари» статью, где рассказал сенсационные, но совершенно неверные вещи о Керенском, младотурках и самом себе, и спутал Керенского с Черновым. А затем уехал на постоянное жительство в Монакское княжество. Ему в это время было 46 лет.

Блестящая военная карьера была и у Петра Акимовича Пальчинского, но, в отличие от Половцева, у него не было высокой масонской степени: в Военной ложе он не успел до нее дойти. Глядя на кривую восхождений этих молодых полковников, а потом – генералов, невольно думаешь о судьбе этой группы людей, молодых, энергичных, честолюбивых, у которых не оказалось в конце концов ни карьеры – длившейся всего несколько месяцев, – ни каких-либо реальных достижений. Они оказались вне русской реальности, взлетели, как метеоры и погасли, не успев покрасоваться перед публикой и краткий срок, со всеми своими чинами, повышениями и отличиями.

По образованию Пальчинский был горный инженер, в марте его выбрали в Исполком Петроградского Совета.

Затем он был назначен помощником генерал-губернатора Петрограда, кадета Кишкина, до того – министра торговли и промышленности во второй коалиции. После того, как Пальчинский был начальником связи между Исполкомом и ген. Корниловым, приказом Временного правительства он был назначен председателем Специального Совещания Совета Обороны. После дела Корнилова, в сентябре, Керенский назначил его военным губернатором Петрограда.

Как член Специального Совещания, он был со всеми вместе арестован в Зимнем дворце в ночь на 26 октября и просидел в крепости несколько дней. Судя по книге Солженицына «Архипелаг Гулаг» (т. 1, с. 308), он был расстрелян в лагере в 1929 г.

Пальчинский был внешне похож на Керенского, как впрочем, и Верховский. Этот последний в своей книге воспоминаний пишет об одном вечере в ресторане Кюба, где Гучков требовал себе для заговора «твердых людей». Пальчинского в этой сцене Верховский называет «Сухотиным». Он прошептал на ухо Верховскому: «Во главе с Крымовым, Гучковым и Терещенко!». Этот факт остается загадочным, но этого недостаточно, чтобы причислить Верховского к масонству и включить его имя в список масонов 1917 г. Тем не менее, об этом человеке необходимо сказать несколько слов.

Верховский в самом прямом смысле слова «бежал из правительства». Половцев причисляет его к «младотуркам», Верховский сам говорил в интимном кругу о масонстве (когда он объяснял нежелание ген. Алексеева ехать в Англию и Францию тем, что Алексеев «боится

тамошних масонов»). Все говорит за то, что он состоял в ложах, но в архивах Франции и США нет следа этого. Возможно, что он был радиирован именно за бегство из правительства, как некоторые из тех, которые в начале октября 1917 г. искали возможности сепаратного мира.

В сентябре – октябре он был назначен военным министром. До этого он командовал Московским военным округом. Он, как и ген. Маниковский, был лишен всякой инициативы. В июле 1917 г., во время первого выступления большевиков, он, будучи комиссаром Балт-флота, отказался послать четыре миноносца в Петроград, по распоряжению Временного правительства. Он как будто бы одно время сочувствовал Гучкову, а затем – Корнилову. 28 августа он был выставлен Петроградским Советом кандидатом на пост военного министра.

Подробности его выхода из Временного правительства, его драматическое выступление на последнем заседании (после которого он был отправлен в отпуск «по болезни»), глубоко поняты и прекрасно освещены в интересной книге Рекса Уэйда. Уэйд напоминает, что в конце сентября – начале октября не только Нольде и другие кадеты уже сомневались в необходимости и возможности продолжения войны, но даже Терещенко, видимо, переживал глубокий кризис в этом вопросе, и пришел к заключению, противоречащему его прежним просоюзническим настроениям. Верховский уехал в отпуск, и газета Бурцева «Общее дело», где об этом было напечатано, была на время закрыта. (Wade. «The Russian Search...», с. 121-141).

Офицер Генерального Штаба, учившийся до этого в Пажеском корпусе, Верховский в начале 1917 г. был в Крыму и был близок с Колчаком. «Фразер, любящий крикливые эффекты», – писал позже о нем Н. Кришевский (Архив русской революции, кн. 13). Мельгунов считал его «подозрительным авантюристом, который пробирается в Наполеоны» («Воспоминания и дневники», с. 226). 24 октября по Петрограду разнесся слух, что Верховский провозгласил себя диктатором, а Троцкий – военным министром (там же, с. 228). После Петропавловской крепости Верховский постепенно стал делать карьеру, оставшись в Советской России. В 1919 г. он поступил в Красную армию, стал профессором Военной академии, а впоследствии написал ряд книг, мемуарных и по военному делу.

Среди этих военных, занятых больше своей карьерой, чем будущим страны, выделяется человек их поколения и их положения, который не позволял называть себя «младотурком», хотя и был масоном. В начале своей карьеры Владимир Бенедиктович Станкевич был членом народно-социалистической партии (которая позже называлась народно-трудовой), к которой принадлежал и сам Керенский, и подавляющее большинство членов «Северной Звезды» (Устава Великого Востока). Как и Пальчинский, он оказался с первых дней Февральской революции в Исполкоме Петроградского Совета, до последнего дня, т.е. до 25 октября, состоял в нем и был верен Керенскому. Он был литовцем и полонизировал свое имя, а выехав из России, стал Владко Станка. Он никогда не был пораженцем, в отличие от большинства членов Исполкома, но уже 22 марта 1917 г. он на заседании Исполкома говорил о необходимости искать пути к миру. 28 марта он там же поддерживал идею обороноспособности русской армии. Его отношение к Временному правительству было иногда двусмысленно, но всегда ответственно.

Как весь Петроградский Совет (за ничтожными исключениями), он требовал коалиционного министерства. Образованный, владеющий языками, он в начале революции был в чине поручика и был повышен, когда Керенский назначил его в мае комиссаром ставки Главковерха. Скоро он шагнул еще выше, став комиссаром Северного фронта.

Бывший член III Гос. Думы и секретарь ее трудовой фракции, он до 1917 г. редактировал, вместе с Н. Сухановым, «Современник». В своих «Воспоминаниях» он писал:

«Какого-нибудь участия в заговорщицких кругах того времени я не принимал. Лишь в конце января 1917 г. мне пришлось в очень интимном

кружке встретиться с А.Ф. Керенским» (с. 64). Летом он был две недели начполитотдела в кабинете военмора.

Он, несомненно, был в Петроградском Совете правой рукой (ухом и глазом) Керенского. Он сопровождал Главковерха на фронт в июне, Войтинский и Филоненко были его помощниками. Он называет четырех лиц, «игравших главную роль» во время дела Корнилова – Керенский, Савинков, Некрасов и Филоненко, – все четверо были масонами одной и той же ложи.

В тех же воспоминаниях, написанных умно и талантливо, описывает Станкевич тяжелое впечатление, которое на него произвел уход из правительства Верховского: он «ушел по болезни, – пишет Станкевич, – 19-21 октября 1917 г.», а «Терещенко остался на своем месте», и тогда он, Станкевич, «окончательно понял, что России нужен мир».

Отъезд Керенского в Гатчину накануне Октябрьского переворота имел под собой основание:³¹ он предполагал соединиться с войсками, идущими в помощь Временному правительству в Петроград. Командовал этой частью ген. Владимир Андреевич Черемисов, который в последние часы 25 октября сговорился в Гатчине с большевиками. Он уже летом проявлял свои симпатии к ним, когда менял распоряжения Керенского Корнилову. Тем не менее, и вероятно потому, что Петроградский Совет в своем большинстве поддерживал его, он не был смещен – факт отчасти загадочный, и несомненно роковой. Так он и оставался главкомом Северного фронта. Его роль в Октябрьском перевороте темна и нуждается в расследовании. Кто и когда ввел его в Военную ложу, не установлено. С одной стороны, он говорил, что немцы отходят, и что «наша армия жаждет наступления», с другой – не повиновался Керенскому и тем самым помогал Ленину.

Прошное его было не совсем обычно: в 1915 г. ген. Черемисов был ген. квартирмейстер Пятой армии (Двинск), и за «неприятности» был отстранен от должности. Видимо, его репутация от этого не пострадала: ген. Алексеев, когда уходил, рекомендовал ген. Черемисова (а также Духонина и ген. Головина) Керенскому, вместо себя. Это рассказывал многим В.В. Вырубов, который хорошо знал Черемисова и одно время служил под его началом. «Он всегда был левым генералом», писал о Черемисове Станкевич («Воспоминания», с. 224). Он был также кандидатом на пост главнокомандующего в корниловские дни (август 1917), и только Бурцев открыто обвинял его в левизне, в то время как Коновалов старался провести его на пост начальника штаба Верховного главнокомандующего (т.е. Керенского). Об этом также пишут и Мельгунов, и Маргулиес. Этот последний, который вообще точен в своих мемуарах, сообщает:

«Гатчина была взята обратно у Юденича (через два года, в 1919 г., во время гражданской войны) большевиками. Операциями против нас руководил ген. Черемисов». (Том 3, с. 73). И далее: «На гатчинском направлении маневрирование большевиков под командованием ген. Черемисова было очень удачно»
(там же, с. 104)³².

³¹ В Гатчине в это время находились: Станкевич, Гоц, Войтинский, Барановский и Данилевич. Эсер Кузьмин, помощник Полковникова, приехал вместе с Керенским.

³² Это именно тот случай, о котором было упомянуто в конце Предисловия: три косвенных, доказательства масонства ген. Черемисова и несколько намеков на этот факт. Первое косвенное доказательство: строчки о генералах Верховного командования и других в 1915-1917 гг. в «Воспоминаниях» вел. кн. Александра Михайловича: «все были генералы-изменники». Второе: запись в Дневнике Альбера Тома от 28 апреля 1917 г.: «Вел. кн. Ник. Мих. считает, что русские генералы многому научились во французских ложах». И третье: Алексеев, уезжая по болезни в отпуск, настойчиво советовал Керенскому назначить ген. Черемисова на его, Алексеева, место, т.е. на место Верховного Главнокомандующего,

Можно предположить, что в 1919 г. его вернули в Красную армию, когда Юденич угрожал Петрограду, а до этого некоторое время он был не у дел: – вскоре после Октябрьского переворота, как сообщает советская история, Н.В. Крыленко сместил его. (Архив русской революции, т. 14, с. 146-147).

Князь Григорий Николаевич Трубецкой, младший брат Сергея и Евгения и дядя известного пражского лингвиста Николая Сергеевича, был московским масоном еще задолго до первой войны. Его брат, ректор Московского университета, был другом Ковалевского³³. В начале своей карьеры Григорий Трубецкой был «мирнообновленцем», т.е. членом партии, к которой принадлежал Ковалевский. В 1917 г. Трубецкой стал директором канцелярии при ставке Верховного главнокомандующего при министре иностранных дел, т.е. связывал две различные сферы российского правительства. Таким образом он оказался близким сотрудником и Керенского, и Терещенко, иначе говоря – представителем этого последнего при Керенском. Он, видимо, был большим идеалистом, в традиции Трубецких, и считал, что возможен союз между Керенским и Корниловым. Позже он стал эмигрантом во Франции, жил в Кламаре, под Парижем, окруженный «гнездом Трубецких», и выстроил небольшую православную церковь на своем участке. Его имя – в Парижском архиве.

Один из министров третьей коалиции Временного правительства, Сергей Николаевич Третьяков, сын владельца картинной галереи в Москве, был членом Совета газеты Рябушинского «Утро России» и занимал место председателя Московской биржи, а также был товарищем председателя Военно-промышленного комитета. При Временном правительстве он оказался председателем Экономического совещания, а позже – министром торговли у Колчака. Он был расстрелян немцами в Париже во время Второй мировой войны, как советский агент. Было доказано, что он в конце 1930-х гг. помог ген. Скоблину, похитившему ген. Миллера, председателя Общевоинского Союза (белой армии), в его преступлении. Его квартира находилась на ул. Колизэ над квартирой, принадлежавшей Общевоинскому Союзу, и у него был микрофон, по которому он слушал, что происходило внизу, в канцелярии Союза. В вечер, когда генералы белой армии допрашивали Скоблина, Третьяков у себя в квартире слышал, как постепенно допрашивающим становилось ясно, что Скоблин играл ведущую роль в этом деле. Третьяков понял, что Скоблин сейчас бросится из квартиры вон. И в момент, когда Скоблин выбежал из дверей Союза и вбежал на площадку Третьякова, тот уже стоял у открытых дверей, спасая его от неминуемого ареста. Генералы сбежали вниз, – полагая, что беглец выбежал на улицу, и не подозревая, что у него есть укрытие в том же доме. На улице его не оказалось. Он был немедленно переправлен в сов. Россию, где был либо расстрелян, либо сослан – дальнейшая судьба его осталась неизвестной. («Новый журнал», № 144, с. 31, см. также «Последние новости», 1938-1939 гг.: «Процесс Н.В. Плевицкой»).

Никому не было легко принять изгнание, остаться без родины, которой они готовились служить, но особенно тем, предки которых служили России около 300 лет. Русское слово «служить» несет на себе сложную и прочную ауру. Кн. Павел Дмитриевич Долгоруков в изгнании одно время думал обратиться прямо к Ленину и спросить его, нельзя ли ему, Долгорукову, как-нибудь «служить» новому государству. Изгнание для него оказалось совершенно не по силам. Другой шаг он сделал за много лет до этого, и он тоже был ему не легок: он был посвящен в тайное общество, он решился стать масоном.

В начале этого века среди кадетов (не говоря уже об октябристах) было немало людей, которым этот шаг казался трудным, может быть, даже рискованным для их внутреннего спокойствия и совести. Принимая во внимание их титул, их класс, роль их предков в русской

того Черемисова, который позже, 25-26 октября 1917 г., полностью предал Керенского.

³³ Предок Григория Трубецкого, Н.Н. Трубецкой, состоял в ложе «Гармония» (18 век).

истории, а иногда и их религию, мы не знаем, и вряд ли узнаем, как пришли к такому решению Трубецкие, Долгоруковы, Шаховские, и сколько длились их колебания: дать клятву, которая превосходит по значению все остальные клятвы, включая и ту, которую дает человек государству, которому служит, которую дает человек религиозный, положив руку на Евангелие, в верности своей родине и вере. Принять ритуал, поклониться эмблемам без скептических усмешек, согласиться с тем, что иногда политические полувраги или люди, которых не уважаешь, будут подавать им тайные знаки, обращаться к ним на «ты», и встречать их в ложе поцелуями, должно было порой казаться не таким уж легким. Среди предков Долгорукова были не только московские владетельные князья, но и вольнодумцы, и даже – православные святые. У князя Долгорукова был прапрадед, которого императрица Анна Иоанновна казнила в 1739 г. в Новгороде топором на площади.

Я знала и Барятинского, и Волконского, которые не задумываясь и с удовольствием стали Учениками, Подмастерьями и Мастерами. Но, видимо, Долгорукову все это было не так легко, и теперь Россия, которая была его собственной страной, а не случайностью, была у него отнята, – он прекрасно понимал, что ему грозит смерть, если он вернется.

Масонство он принял не сразу. Мы не знаем, как долго его уговаривали, и кто именно. Но он постарался сначала пойти на небольшой компромисс: это было конспиративное общество, в которое тоже «посвящали», оно называлось «Общество мира». Павел Дмитриевич основал его в 1909 г. в Москве. В Петербурге было открыто отделение – Ковалевским, конечно. Основатель к.-д. партии, член ее ЦК, председатель кадетской фракции во второй Гос. Думе, а в 1915 г. – председатель к.-д. партии, среди ближайших друзей Долгоруков насчитывал Маклакова, проф. Кизеветтера, Тесленко, – все они были масонами. В 1911 году «Общество мира» насчитывало уже 324 человека. Долгорукова любили, общества его искали, он был либерал, но при этом оставался человеком прошлого века: его долгая связь с Александрой Васильевной Гольстейн была его тайной (он называл ее «наша партийная приятельница»). Тайна соблюдалась так строго, что когда он в 1927 г. во второй раз пошел в сов. Россию, переодетый мужиком, и невдалеке от польской границы его опознали, арестовали и расстреляли, то в книге, посвященной его памяти, Ал. Вас. написала о нем глубоко трогательный очерк, но подписала его мужским псевдонимом, чтобы никто не догадался об их отношениях...

Когда именно его посвятили, остается неизвестным, но в 1915 г. он был уже Мастером. В 1916 г. «пленарные заседания ЦК кадетской партии происходили в его доме, в Москве». Здесь обсуждались кандидатуры будущего Временного правительства «после царя». Кн. Львов был первым кандидатом на пост Председателя Совета министров, причем хозяин дома был не согласен с этой кандидатурой, но говорил, что «никого другого назвать не может». Долгоруков, как Дурново, как барон Розен и некоторые другие, говорил, что Германия победит Россию в этой войне. Ему отвечали на это сдержанным молчанием.

Долгоруков был двоюродным братом Орлова-Давыдова и иногда обедал у него вместе с вел. кн. Николаем Михайловичем на Сергиевской, в Петербурге. Позже он говорил о Ник. Мих.: «строптивый характер, доблестно умер».

До 1917 г. он устраивал «неофициальные собрания» московских кадетов у себя в имении, в Рузском уезде. В то время он был связан с Союзом городов, ездил на фронт, видел «страшный недостаток снарядов». Он был частый посетитель кадетского клуба в Брюсовском переулке, и выступал там с речами и докладами. Он считал, что общая трагедия русской интеллигенции – «отсутствие государственного инстинкта».

В своих воспоминаниях он пишет, что Некрасов – «мелкопробный демагог» и «ведет себя некорректно и отвратительно».

Выбранный в учредительное собрание, он поехал в Петроград 26 ноября 1917 г., вместе с Астровым, Шингаревым, Кокошкиным и гр. Паниной, 28-го – он был арестован ЧК, как и другие.

Небольшая деталь: в 1918 г Долгоруков нелегально жил в Москве, и никто не предложил ему убежища: он пишет, что только гр. Д.А. Олсуфьев приютил его летом 1918 г., он жил у него, и таким образом спасся. Он был в это время членом тайной антибольшевистской группы «Национальный центр» (с Шиповым, Щепкиным и др.); они время от времени выносили резолюции о верности союзникам, но, как пишет Долгоруков, «весной 1918 г. группе грозил раскол». В безнадежном состоянии «начался крен на немцев». Правые уже давно имели этот крен: они «умоляли Мирбаха прислать им в Москву корпус».

Позже, на юге России, Долгоруков стал тов. председателя воскресшего «Национального центра», при председателе М.М. Федорове. Теперь масоны шли влево и шли вправо, теперь уже все было равно, и Долгоруков, в Крыму у Врангеля, состоял в его «Русском Совете».

Он два раза ходил в Россию из Польши. Второй раз оказался последним. Когда-то он купил альбом рисунков Рубенса, Карпаччо и других художников Ренессанса. Теперь этот альбом хранится в бывшем Румянцевском музее, в Москве.

Глава вторая МАСОНЫ В ЭМИГРАЦИИ

Советник русского посольства в Париже Леонтий Дмитриевич Кандауров (30°) уже с осени 1914 г. налаживал связи со своими дипломатическими коллегами из русских посольств и братьями своей Великой Ложи в Европе. Но с февраля 1917 г., когда в России произошла революция, а на западном фронте у союзников начались трудности, ему не всегда удавалось устанавливать контакты и их поддерживать. Три последних года, еще при после А.П. Извольском, он находил старых друзей и завязывал отношения с новыми. Он был энтузиаст масонства и был весьма доволен, когда узнал, что В.А. Маклаков едет в Париж на место старого русского посла. Извольский не был немедленно уволен, около четырех месяцев он продолжал сидеть на месте. Маклаков приехал в Париж 25 октября / 7 ноября 1917 г.

Уже в 1916 г. Кандауров тайно приступил к созданию «Общества», предвидя возможный скорый конец войны, для будущей парижской русской ложи. Из «Общества» скоро вырос «Комитет»³⁴. В разных странах нашлись русские дипломаты, с которыми он вел переписку, братья-масоны, которых он брал на учет. Это были люди, застрявшие по долгу службы или по собственной инициативе на Балканах, в Швейцарии, в скандинавских странах, в Мадриде и Лондоне. Комитет связался с французскими ложами. Кандауров методически собирал имена и адреса братьев – в первую очередь, конечно, дипломатов, лично ему знакомых, чтобы поддерживать с ними хотя бы эфемерный контакт, особенно в свете того, что делалось в России. Он угадал верно: «Временный Комитет Российского Масонства» с приездом первых эмигрантов оказался для многих приезжих организационным центром. Приехавшие в 1918-1919 гг. в Париж Аитов, Слиозберг, Мамонов, Половцев и другие оказались в обществе друзей, уже найденных Кандауровым в Париже (Панченко, Рапп, художник Широков, адвокат Грюбер, – будущее светило парижского «барро»³⁵.

В эти годы Версальской конференции³⁶ и союзной интервенции на юге России уже известные нам французские ложи «Космос» и «Монт Синай», а также «Права человека» и франко-русская ложа «Трех Глобусов» охотно принимали русских братьев. Кандауров закреплял отношения не только с отдельными русскими братьями за границей, но и с ложами, существовавшими в эти годы в Англии, Дании и Швеции. В 1920 г. с его помощью Керенский в Лондоне, в английской ложе, читал доклад о положении в России. Известно, что под Копенгагеном возобновилась ложа «Зорабавель» (Досточтимый Мастер Веретенников). Она теперь называлась «Фридрих – коронованная надежда». В Белграде открылась ложа под названием «Максим Ковалевский» (Досточтимый Мастер проф. Чубинский), в 1920 г. в ней насчитывалось уже 12 братьев. В Италии ложа «ферианского» Послушания открыла свои двери для русских братьев. В самом Париже предполагалось открыть франко-русскую ложу «Дидро-Горький», но этот проект не был осуществлен.

Русские масоны, съезжавшиеся в Париж между 1918 и 1921 гг., старались так или иначе что-то спасти, – съездами, совещаниями, объединениями³⁷. Благодаря Маклакову и

³⁴ Позже была создана финансовая комиссия, под председательством А.А. Орлова-Давыдова.

³⁵ Парижская Коллегия адвокатов

³⁶ На парижскую мирную конференцию русских делегатов, выбранных в эмиграции в 1919 г., не допустили. Выбраны были кн. Львов, Маклаков, Сазонов и Чайковский.

³⁷ В 1918 г. в Париже было создано «Русское политическое совещание» (кн. Львов, Маклаков, Гирс, Извольский, Сазонов, Бахметев, Стахович, Гулькевич, Маргулиес, Чайковский, Савинков, Титов, Долгополов и Третьяков, а также – народовец, шлиссельбуржец С.А. Иванов. Из них 16 были масонами и 5 (Гирс, Сазонов, Извольский, Струве и Иванов) ими не были. В 1919 г. в Одессе было устроено совещание: Брайкевич, Руднев, Рубинштейн, Елпатьевский, Вырубов, Полнер, Макеев и др. Там же в это время заседал Национальный Центр: Юренев, Волков, Родичев, Григорович-Барский, Бернац-

Кандаурову русское посольство для них теперь было центром притяжения в разоренной, измученной Европе. Несмотря на горькие уроки, полученные за эти три года, они сейчас же принялись организовываться, чувствуя под ногами почву более прочную, чем утлое существование под Деникиным, Колчаком, Юденичем и Врангелем³⁸.

Кандауров принадлежал к Послушанию Великой Ложи, но был исключительно терпим к инакомыслящим; неглупый человек, с чувством юмора, он был знаток исторического масонства и мечтал о слиянии двух Уставов. По его инициативе в 1922 г. была возобновлена «Астрея», одна из самых обширных и престижных дореволюционных российских лож Послушания Великой Ложи.

14 января 1922 года «Астрея» возобновила свою долгожданную деятельность. Инсталлирована она была в 1924 г. «Инсталляция» требовала, по крайней мере, дюжины рекомендаций Великих и Премудрых Мастеров и, конечно, сильной поддержки французов.

В 1924 г. Франция признала Советскую Россию, Маклаков выехал из посольства на улице Гренелль, и Красин, первый посол за шесть с половиной лет, с небывалой помпой въехал в Париж. В этот день на улицах вокруг русского посольства было остановлено движение, и толпа, насчитывающая около ста тысяч человек, стояла на всем протяжении от Северного вокзала до левого берега Сены. Маклаков, с помощью служащих посольства, целую неделю вывозил и сжигал дореволюционные архивы – Извольский, уезжая, ничего не увез и не сжег. На улицу Иветт, где собирались русские масоны Послушания Великой Ложи, Кандауров перевез всю свою посольскую мебель, пожертвовав ее «Астрее»³⁹. Дом номер 79 на улице Гренелль перешел к новым хозяевам, и началась новая эра во франко-русских отношениях.

В это же самое время, в 1924-1925 г. Великий Восток на улице Кадэ открыл русским масонам свои двери: «Северная Звезда» и «Свободная Россия» открылись одна за другой. (По одним сведениям, «Северная Звезда» открылась 16 ноября 1924 г., а по другим – в январе 1925 г.). Постепенно ложи обоих Уставов размножились; были учреждены «Северное Сияние», ложа «Трех Глобусов», а также смешанная ложа «Аврора», где первенствующую роль играли женщины: Нагродская, Сыртланова, Бриль, Татьяна Гревс⁴⁰. «Аврора» оказалась одной из наиболее «прочных» лож: средний возраст «сестер» там всегда был несколько ниже лож «мужских»: в 1920-х гг., вероятно, около 45 лет, когда «братьям», в среднем, уже было около 55-ти.

Согласно правилу никогда публично не спорить о политике, русским было внушено, что преувеличивать ужасы, происходящие на их родине, просто нетактично. Когда в 1934 г., по инициативе Кандаурова и Переверзева, было написано воззвание к французским братьям о голоде в России в связи с коллективизацией, с просьбой о помощи, оно было разослано в оба Устава. Великий Восток, где Переверзев имел степень Досточтимого Мастера, был подвергнут за этот шаг строжайшим санкциям и временно закрыт. Больше русские масоны не пытались осведомлять своих французских братьев о действиях Кремля, и в результате,

кий, Тесленко, Штерн, П. Тикстон, Пешехонов, Бернштам, Трубецкой, Челноков. Из 12-ти человек – 10 были масонами, о Пешехонове и Бернштаме сведений нет. В Государственном Объединении России, в 1919 г. (юго-запад России) состояли 8 масонов и 7 не-масонов.

³⁸ «Русский Комитет в Париже» состоял из кн. Львова, Коновалова, Маклакова, Ефремова, Стаховича, КД. Набокова, с одной стороны, и Сазонова и Извольского – с другой. Все эти ранние эмигрантские организации доказывают с несомненностью, что масоны играли в эти годы значительную роль, были сплочены, обладали исключительной энергией, и такой же живучестью.

³⁹ «Астрея» не только впоследствии выделила из себя несколько лож, но в это время уже имела Ареопаг (Капитул), он был открыт еще до того, как было официально закреплено существование самой «Астреи». Это доказывает, насколько сильна была необходимость Досточтимых Мастеров встречаться друг с другом, без так называемых «нижних чинов».

⁴⁰ «Аврора» и «Права человека», а также «Космос» и «Монт Синай» – во всяком случае, до 1908 г., принимали членов без анкеты и рекомендаций.

в конце 1930-х гг., московские процессы остались масонами для масонов неосвященными. Надо сказать, что в Великой Ложе престарелые Н.В. Чайковский, В.Д. Кузьмин-Караваев, Макшеев и др. знали, как вести себя, и подчинялись дисциплине, тем самым избегая инцидентов.

Что касается Советской России, то бесплановое уничтожение заподозренных в масонстве людей во время гражданской войны и военного коммунизма очень скоро перешло в плановую их ликвидацию.

Все началось на II Конгрессе Коммунистического Интернационала, отчасти в связи с тем, что итальянские социалисты еще в 1914 г. вынуждены были отказаться от своей принадлежности к масонству, как тайной организации, не признающей классовой борьбы. На IV Конгрессе Коминтерна, в 1922 г., было во всеуслышание объявлено, что большинство французской радикал-социалистической партии принадлежит к ложам Великого Востока. Этот факт был обсужден после длинного доклада Троцкого, с многочисленными ударами кулаком по столу, где он несколько раз упомянул, что масонство необходимо вымести железной метлой – в России, во Франции и во всех других странах. Он говорил, что масонство – мост, соединяющий в мирном сожительстве классовых врагов, что недопустимо, когда есть классовое сознание.

«Масонство, – говорил Троцкий, – орудие обхода революции, буржуазное орудие, усыпляющее сознание пролетариата, и рычаг буржуазного механизма» (См. немецкий, французский и английский отчеты IV Конгресса Коминтерна).

В резолюции, принятой по его докладу, Конгресс единогласно вынес решение исключить масонов из Коммунистического Интернационала⁴¹.

IV Конгресс Коминтерна происходил в ноябре – декабре 1922 г., но уже в июне в Москве был подготовлен декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, подписанный Калинин и Енукидзе, о «регистрации всех обществ, союзов и объединений, которые каким-либо образом могут объединить рабочий класс с его врагами». В нем говорилось: «Поручить Народному комиссариату внутренних дел произвести в двухнедельный срок со дня опубликования настоящего постановления регистрацию всех обществ, союзов и объединений (научных, религиозных, академических и прочих), за исключением профессиональных союзов ... и не допускать открытий новых обществ и союзов без соответствующей регистрации в Народном комиссариате внутренних дел, по утверждению устава соответствующим органом. Общества, союзы и объединения, не зарегистрировавшиеся в указанный срок, подлежат немедленной ликвидации».

Затем, 3 и 12 августа того же года появились декреты 622, 623 и 624 (за теми же подписями председателя и секретаря ВЦИКа) о запрещении всех обществ, не имеющих санкции правительства⁴².

Если судить по «Ленинградской правде» от 5 января и «Красной газете» от 15 июня 1928 г., то к этому времени масонство было почти полностью ликвидировано. Индивидуальные аресты и расстрелы, высылка интеллигенции (и добровольный выезд ее) за границу в 1922 г., приговоры по делу Таганцева (когда был расстрелян Гумилев) и по делу Комитета помощи голодающим, разгром «Тактического центра», процесс Промпартии и др. более мел-

⁴¹ В это время французский социалист, Марсель Кашен, бывший в 1917 г. вместе с Альбером Тома в России, перешел во французскую коммунистическую партию, где через несколько лет стал одним из лидеров. В январе 1923 г. ему, как и всем, было предложено выбрать между компартией и ложей Великого Востока. Он выбрал компартию.

⁴² М.И. Юмашев, З.К. Боярская, Г.И. Любов. Ленинские декреты 1917-1922гг. Библиография. М., Изд. «Известия», 1974. Этими сведениями, как и выправкой Моей Библиографии, я обязана С.А. Шуйскому (Библиотека Конгресса, Вашингтон), за что приношу ему свою благодарность.

кие процессы вычистили Советский Союз от всех тайных обществ. Последней была ликвидирована ложа «Астрея», члены которой были сосланы на Соловки.

Два дома в Париже стали местом встреч русских масонов Великой Ложи: один на улице Пюто, другой на улице Иветт. В первом из них располагалась и одна из французских лож Послушания Великой Ложи (мне не удалось узнать, каковы были денежные условия пользования этим помещением), но особняк на улице Иветт всецело принадлежал русским.

Его передал «Астрее» один из состоятельных братьев, хранивший часть капиталов до революции в заграничном банке. Он оставался владельцем дома и бесплатно предоставлял его «Астрее», оплачивая прислугу, отопление и освещение. Разумеется, его не могли не возвести за это в степень Досточтимого Мастера.

Этот «Русский дом» называли «храмом», он был внутри оборудован по всем законам масонского устройства. Он был закрыт владельцем в сентябре 1939 г.

Третье помещение не было храмом и было случайным: это была контора бр. Каплан на Елисейских полях, в которой в первые годы встречались русские масоны в экстренных случаях и в которой, между прочим, происходило первое заседание по поводу учреждения новой ложи «Лотос». Здесь не могло быть ни церемониала, ни агап. И то и другое имело место в «Русском доме».

Сборы денег происходили на каждой сессии. По рядам проносился «мешок», в который клались монеты и бумажки. То, что собиралось, отсылалось в Верховный Совет, после того, как минимальная сумма отчислялась на текущие расходы. Денежные взносы были не высоки, обязательный месячный взнос был 15 франков, но и эти деньги трудно было собрать, и тогда те, кому было жить легче других, платили за соседа. Но бывали случаи исключения из ложи «за невзнос мзды», это случалось обычно после третьего напоминания. Исключение, т.е. вычеркивание имени из списков, называлось масонским термином «радиация».

Как уже было сказано, радиация могла быть временной, в этом случае никаких последствий она не имела. Радиация окончательная и бесповоротная была гораздо серьезнее, так как она иногда распространялась не только на будущее, но и на прошлое: полная радиация требовала, чтобы того, что было, как бы не было. Она уничтожала факт принадлежности человека к масонству.

Именно такой была радиация за нарушение клятвы. Болтливые и строптивые, подозреваемые в равнодушии к тайнам масонства, бывали радиированы в окончательной форме. Клятва давалась в Г, в ходе торжественной церемонии. После нее Первый Привратник произносил следующую речь:

«Помыслите о страшных клятвах, принесенных вами в этой пещере, не забывайте и наших клятв, и будьте уверены, что мы строго соблюдаем их, и вонзим наши шпаги в ваши сердца, если бы они оказались изменническими и клятвопреступными, и вы когда-либо нарушили свой долг»⁴³.

Конечно, никто не вонзал шпаги в сердца, но однажды в Булонском лесу в спину одного масона был вонзен четырехгранный стилет, и он был им заколот насмерть. Кто был убийца, и почему он был убит, никто никогда не узнал. (См. «Архивные материалы», Навашин).

⁴³ Великий Восток после войны 1914–1918 гг. добавил к общей формуле несколько строк. В ПА находится образчик этой «новой» формулы: Обещаю сообразоваться с установлениями Вел. # Вост. # Франции в том виде, в коем они существуют ныне и в том, который может быть принят впоследствии. Обязательство, принимаемое во время посвящения в Первый градус. За бр. Эта копия обязательства подписана бр. # Кролем. 1925 г.

* * *

Инсталляция русской ложи в Уставе Великого Востока произошла в Париже зимой 1924-25 гг. В этот день в здании на ул. Кадэ № 16 собрались все братья, которые в 1909 г. были членами «Северной Звезды»⁴⁴. Теперь она восстанавливалась, благодаря энергии как новых, так и прежних членов: Маклакова, Алданова, Авксентьева, Маргулиеса, Осоргина, Нессельроде⁴⁵, Миркина-Гецевича, Переверзева и Альперина. Кандауров в письме поздравляет Переверзева с возрождением «Великого Востока народов России». И он, и Аитов стремились как можно теснее сблизиться с ложей «левого» Послушания, но не во всех братьях «Астреи» они находили этому сочувствие.

На торжество инсталляции «Северной Звезды» были приглашены Досточтимые братья из «Астреи» и французы, помогшие русским братьям в восстановлении старой их ложи – все Досточтимые Мастера Великого Востока. Эти гости-французы были: Савуа, Лебей, Ван Раальто, Конселло, Милль, Ариэс и Сеншоль, некоторые из них – друзья еще по России.

Первый состав в «Северной Звезде» был избран единогласно; это были:

Оратор – Маклаков,
Первый Привратник – Маргулиес,
Второй Привратник – Миркин-Гецевич,
Секретарь – Бухало,
Дародатель – Иванов,
Казначей – Вургафт,

Привратники – Пораделов, Виль, Юдицкий и Поволоцкий. Братья – Алданов, Бобринский, Волковысский, Грубер и Рейнборге поделили все остальные должности.

Почти немедленно произошло открытие и второй ложи Великого Востока: Маргулиес и Осоргин решили в Париже учредить «Свободную Россию». Осоргин внес в ложу дух гостеприимства и дружеской непринужденности. Это ценилось более молодыми «кандидатами», которым чопорность и торжественный тон, принятый в ложах, казался каким-то пережитком прошлого. В «Свободную Россию» вступали (с 1925 г.) не только москвичи и петербуржцы, но и братья из Одессы, Киева, Нижнего Новгорода, оказавшиеся теперь в Париже. Кроль, Переверзев, Авксентьев, Маклаков, которых не пугали близкие отношения с левым крылом Великой Ложи, собирались вместе с Кандауровым, П.А. Бобринским, Слиозбергом, Аито-

⁴⁴ В «Северную Звезду» в 1925 г. вошли все, кто жил в Париже и его предместьях, из ее основателей в 1908 г., а также основателей Думской ложи и некоторых других русских лож Устава Великого Востока.

⁴⁵ Я не позволяю себе поправок к «Записке» Леонтия Дмитриевича Кандаурова, но в этом случае должна сделать исключение и поправить его. Нище никаких следов «брата Нессельроде», упоминающегося в ней, я не нашла, и мне даже неизвестно, был ли такой дипломат в России в 20 веке. Я предполагаю, что этим именем «закодирован» Борис Эммануилович Нольде, дипломат и масон, член к.-д. партии, юрист, занимавший посты в министерстве иностранных дел, как при царском режиме, так и при Временном правительстве. В годы своей карьеры он частью жил в России, частью за границей. Будучи масоном, он, конечно, прекрасно знал масонов в дипломатическом корпусе и был в дружеских отношениях с Кандауровым. Его фамилия, насколько я могла заметить, не появляется в документах Парижского архива. Фамилия «Нессельроде» появляется два или три раза – среди других. Была ли это описка? Вряд ли. Объяснение этому лежит, видимо, в том, что Нольде был радиирован. Причин к этому могло быть две: первая – по его желанию, он вышел из масонства. Вторая – быть может, более серьезная – во время последней коалиции, в сентябре 1917 г., Нольде перешел в лагерь людей, понявших, что единственное спасение России – в немедленном мире с Германией (к этим людям в это время принадлежали несколько человек его же партии, в том числе М.М. Винавер и В.Д. Набоков). И он, преступив клятву верности союзникам, был впоследствии радиирован Кандауровым и Ареопагом Досточтимых – против чего, возможно, и не протестовал. Чтобы сделать такое утверждение, я пересмотрела все списки русского дипломатического корпуса от 1909 до 1913 гг., нашла в них имя Нольде, Нессельроде не нашла. Замечу, что полная радиация происходила не так уж редко, и на память сейчас же приходят две: А.И. Гучков и С.А. Соколов-Кречетов.

вым, и так как все они были масонами выше 15°, то это был Ареопаг, или, по-старинному, – Капитул, где решались уже не просто вопросы, а мировые проблемы⁴⁶.

Здание Великого Востока в некоторых отношениях было даже удобнее особняков на улицах Иветт и Пюто. Ресторан был просторнее, столовая тоже, в подвале находилась великолепно оборудованная турецкая баня (так называемый «хаммам»), которую масоны называли «бальнеум». Это способствовало интимности. Собирались по четвергам.

Время от времени между двумя Уставами вспыхивали разногласия в связи с вопросом о Великом Архитекторе Вселенной, затихавшие в периоды, когда русскому масонству грозила опасность извне: в середине 1920-х гг., когда ни Великий Восток, ни Великая Ложа еще не чувствовали реальной почвы под ногами, они почти не замечались. В начале 1930-х гг., в связи с наплывом в оба Послушания, разногласия обострились.

Компромисс, который как принцип входит в кодекс масонского поведения, в 1934 г. спас оба Устава от полного разрыва отношений. Великая Ложа рассуждала так: все, что существует, не могло быть сотворено «само собой». Значит, был кто-то. И наши предки, тамплиеры и розенкрейцеры, бросаясь в бой, сражались с именем этого Основателя на устах. Мы не можем его игнорировать. На что Великий Восток отвечал холодно: делайте, как хотите, но нас к этому не принуждайте. У нас всем – легко и спокойно, мы рады всем, а у вас есть тенденция к насилию, которую масонство не может принять.

Глядя назад на этот период – от «инсталляций» обоих Послушаний в середине 1920-х гг. до начала Второй мировой войны, – мы видим, как разрастались ложи, как все больше становилось членов, жаждущих тайного общества себе подобных. Причины были и психологические, и экономические, и они были у всех. Из «Астреи», перешедшей предписанную норму членов, начали постепенно выделяться новые ложи.

Были основаны франко-русские ложи «*Se connaitre*» и «*La Rose du Parfait Silence*», но о них известно очень мало. Большим успехом пользовалась ложа Кроля «*Les Travailleurs*» в Леваллуа, под Парижем, он же играл ведущую роль в создании «*Loge de Bonne Foi*», в Сен-Жермене. Может быть, от присутствия в русском Великом Востоке людей, которые считались в эмиграции «молодыми душой», а может быть, и от общего духа и индивидуальных характеров братьев, от архивов Великого Востока остается гораздо более живое и даже яркое впечатление, чем от архивов Шотландского Устава.

Возможно, это происходило оттого, что русский Великий Восток стоял гораздо ближе к Великому Востоку Франции, чем русская Великая Ложа к Великой Ложе Франции. Французы, как это часто бывало и раньше, как никто другой умели поднимать дух, а русским братьям это было необходимо. Русские Досточтимые Мастера теперь входили во французские Ареопаги: «Лютетия», «*Amici Philosophae*» и «*Ordo ab Chao*» («Порядок из хаоса»). Пожалуй, можно сказать, что самыми счастливыми в масонстве были люди, которые состояли в нескольких ложах: русских, французских и франко-русских, и конечно, те, которые имели доступ в оба Послушания, как «дорогие и уважаемые гости» – это были «десять премудрых избранных». «Десять» – число символическое: в действительности их было около тридцати.

⁴⁶ В переписке Кандаурова с Переверзевым, из уважения к прошлому, оба продолжают пользоваться термином «Великий Восток народов России» (напоминание о «Верховном Совете Народов России»), не только для настоящего времени, но и в предвидении будущего: они имеют в виду возобновленное масонство в России. Так, в 1930 г. мы читаем о планах открытия лож (видимо, после падения советского режима) и о будущих выборах в России, и кандидатах в Верховный Масонский Совет. Туда, по их мнению, должны будут войти все те, кто сейчас состоит в Консисториях (высших Ареопагах и Капитулах). Кандидаты Кандаурова: он сам, Слиозберг, Половцев, Давыдов, Бобринский, Аитов, Вяземский, Мамонтов, Нагордский, Лобанов-Ростовский, и разумеется, – Переверзев.

* * *

Внутренняя структура этой всемирной организации была Подробно описана после Второй мировой войны, но до 1950-х гг. тайна играла в масонстве важнейшую роль. Русское масонство начала века не успело завоевать себе место в мировом масонстве, а после 1920-х гг., в изгнании, почти никакой роли у него и не было. Тем не менее, оно старалось выжить, коллектив повторял ту же тактику, которой пользовались единицы: выжить в мировом хаосе во что бы то ни стало. В его зависимости от французского масонства был шанс уцелеть, хотя, несомненно, «русская гордость» страдала от того, что последнее слово во всяком важном решении принадлежало не русским, а французам.

Иерархия чинов и степеней соблюдалась очень строго. Ложа – первичная ячейка – представляла собой две «лестницы восхождения»: одна система повышений относилась к обязанностям братьев – Председатель, Секретарь, Казначей, Привратник и т.д. Другая была собственно масонской: Ученик, Подмастерье, Мастер, Тайный Мастер и т.д. – до Досточтимого и Премудрого. Эта масонская иерархия в Великом Востоке имела 33 степени, в Великой Ложе – 18.

Масонские степени давались за рвение в масонской деятельности, за благотворительность по отношению к масонам, за число и качество докладов, прочитанных на сессиях и во время агап, за аккуратность в уплате взносов, за частоту посещений, за внемасонскую деятельность на благо масонства. Меньшую роль играли доклады: не все умели писать их, не все знали, о чем писать. Мы видим по протоколам, что больше половины братьев сделали за 10 лет по одному докладу, но тем не менее были повышены в чине.

У русских эмигрантов-масонов во Франции было место, где они могли встретить себе подобных. И больше того: людей, когда-то игравших заметную роль в России, и которые считались там значительными. Сидя за рулем парижского такси, служа сторожем в гараже или «по маленькой» играя на бирже, они знали, что в определенный день будут сидеть за столом с чистой скатертью и слушать, как люди кругом говорят о будущем России, решают ее судьбу и переоценивают прошлое. Они видят вокруг себя дружеские лица, и житейские правила даются такие хорошие. Пример братья с французом: сначала – три министра-масона в правительстве, потом – пять, потом – кандидат в президенты, потом – большинство в палате. Еще немного, и будет у них президент-масон! Кто-то подаст тебе

знак, как в старое время дипломат подавал знак дипломату, купец Морозов – купцу Рябушинскому и депутат Маклаков – депутату Родичеву.

Какие же правила давались здесь? Не скрижаль Синая, но наспех составленный список из 12-ти пунктов на небольшом листке пожелтевшей бумаги нашелся в Парижском архиве. В них изложена вся философия тайного общества св. Тибальда, но в несколько модернизированном виде. Вот она:

Будем вместе.
Будем любить друг друга.
Будем говорить о благе свободы.
Будем уважать друг друга.
Будем устраивать памятные собрания после смерти друг друга.
Будем стараться не спорить друг с другом.
Будем собираться часто.
Платить взносы.
Будем не огорчать друг друга.
Будем читать доклады на всякие темы.

Будем соблюдать ритуалы.
Будем хранить тайны.

Может быть, кому-нибудь эти правила напомнят правила мормонов или других сектантов, особенно скандинавских сект? Или правила, которые в некоторых школах Запада внушают детям учителя-фундаменталисты? Писавший эти «заповеди» М.А. Осоргин до «Свободной России» и «Вех», был членом итальянской ложи (потомки карбонариев, к которым принадлежал когда-то Байрон). Он был гостеприимным человеком и принимал у себя на дому будущих «кандидатов» своей ложи, «молодых», угощал их чаем, был к ним ласков. Возможно, что он обсуждал с ними свои правила. В пушкинские дни в 1937 году 300 человек пришло в храм слушать его речь о Пушкине, – были представлены все русские ложи. Это был большой день в жизни русского эмигрантского масонства.

Вся система французской 3-ей республики была насквозь пронизана членами тайного общества, его Ареопагами, Капитулами, Консисториями, секретными связями и дисциплиной, не говоря уже о Тайне и Клятве. Масоны жили с сознанием того, что все они, во главе с «Величайшим Избранником Таинственного и Священного Подземелья» и «Мудрейшим Рыцарем Солнца», составляют одно целое: французскую радикал-социалистическую партию, основанную в 1901 году.

Но если ячейка, по уставу вмещавшая не более тридцати членов, в мировом «концерте» не играла значительной роли, то этого никак нельзя сказать об Ареопагах. О них «нижним чинам» было известно немного. В наше время полную информацию о них можно найти как в энциклопедиях, так и в специальных исследованиях, авторы которых, как правило, занимают по отношению к масонству нейтральную позицию, достойную серьезных историков, не снижая и не преувеличивая его роли. Братья – все Досточтимые и Премудрые (их было в каждом Ареопаге не более 12-ти), судя по всему, оказывали влияние на внутреннюю и внешнюю политику европейских держав. Какие же были результаты? Если вспомнить, что именно на это время пришлось две страшных войны и несколько небольших, грандиозная забастовка, чуть не разорившая величайшее королевство восточного полушария, и экономический кризис, повлекший разорение миллионов людей, зловещий террор в России, продолжавшийся более четверти века, и гитлеровские лагеря, где погибли миллионы, мало было сделано, чтобы это предотвратить! Как и Синайские скрижали, 12 заповедей брата Осоргина оказались в этом веке ни к чему, и все загадочные планы, и секретные договоры и заговоры мировых Досточтимых и Премудрых – в парламентах, на биржах, в профсоюзах, в Генеральных штабах и на тронах (какие еще оставались), и даже самый миф мирового могущества мирового масонства – испарились, как дым.

Во главе мирового масонства стоял Всемирный Масонский Верховный Совет, состоявший из Досточтимых и Премудрых («Венераблей»); в этом Совете русским не было разрешено иметь свою делегацию, – они входили в него, как часть делегации французской. Керенский, который вместе с Терещенко и Некрасовым в 1913 г. был Секретарем Масонского Верховного Совета Народов России, не мог вынести такого оскорбления, и это была далеко не последняя причина, почему он не

вернулся в масонство в эмиграции. Будучи частью французской делегации, русские масоны в вопросах выборов в высшую инстанцию, повышений, перемещений и утверждений в высшие степени, должны были координировать свои действия с французами, несмотря на то, что русские Досточтимые и Премудрые продолжали себя считать представителями Верховного Совета Народов России, который был создан в 1913 г.

Всемирный Масонский Верховный Совет один раз в год созывал Конвент, т.е. Генеральную Ассамблею, для ревизии действий Верховного Совета, для назначения на высокие места новых Мастеров, для сложного традиционного церемониала.

Всемирный Верховный Совет влиял – в разные годы с различной силой – на ход мировой политики, сильнее в странах республиканских, менее сильно – в странах, где правили монархи, конституционные и «самодержавные». Если до 1914–1915 гг. в России, опираясь на поддержку верного «арьергарда», можно было кое-что сделать, то уже при Штюрмере и Протопопове сделать было ничего нельзя. В эмиграции можно было влиять только друг на друга – влиять на Ленина, а потом на Сталина, никому не приходило в голову. 50% масонов Ленин ликвидировал в первые же годы после революции, часть он выпустил на запад, а остальные были прикончены Сталиным в процессах, начиная с 1920-х гг. Задача масонства – влиять на внешнюю и внутреннюю политическую жизнь мира – русскими никогда не могла быть осуществлена.

А тем временем в таинственных Ареопагах узким кругом заседали мудрейшие избранники, вышеназванные Рыцари Солнца, а также рыцари Шпаги, крестonosцы Востока и Запада, рыцари Розы и Креста. Это были масоны 15° и выше; ниже стояли Мастера, принадлежавшие к «ложам совершенства» – от 4 до 14°, а Ученики, Подмастерья и Мастера 3° сидели в «символических мастерских», называвшихся «голубыми» ложами.

В Капитулах масоны от 15 до 18° («красные ложи») имели Достаточно звонкие титулы, но в Ареопагах (19-30°) титулы звучали просто величественно: Рыцарь Медного Змия, Принц Ливанский, Великий Командир Храма – каждый градус звучал оглушительно. В Ареопагах вершились судьбы мира – или

так казалось их участникам, когда падала или поднималась биржа в Гонконге, выбирался французский президент, Венесуэла то объявляла, то не объявляла войну Колумбии, и в Англии готовили всеобщую забастовку, или наоборот, старались ее избежать. И международные банки лопались, как мыльные пузыри.

В Трибуналах и Консисториях были братья еще более высоких степеней – 31 и 32-ой: Главный Командир-Инспектор-Инквизитор и Великий Принц Королевской Тайны, в то время, как надо всем этим парил Суверенный Великий Ревизор, сидящий во Всемирном Верховном Масонском Совете.

* * *

Одним из основных символов масонства, освященных тысячелетней традицией, является треугольник, и не только треугольник с глазом посередине, но вообще треугольник, как фигура: слово «брат» на письме обозначается треугольником из трех точек \ (во множественном числе – \ \), и масонское приветствие от брата к брату (салют) также основано на треугольнике: правая рука поднимается к левому плечу и опускается, слегка коснувшись правого плеча⁴⁷. Стены храма увешаны треугольниками. Прежде чем посвятить кандидата в 1°, Мастер задает ему вопросы о символах и их значениях, на которые он должен ответить. Их можно найти в масонских книгах и энциклопедиях, которые в наше время продаются открыто.

Но в первой половине нашего столетия их не было, они печатались в специальных типографиях и в продажу не поступали. Одна из них вышла еще в 1894 г. и была переиздана в 1923. На книге нет имени автора, известен лишь владелец экземпляра, который я держала в руках: некто Волковский, который расписался на ней. Написана она по-французски и называется «Constitution et Reglements Generaux». Rue Puteaux. GLDF. Четыре последние

⁴⁷ Оригинал скульптуры Микельанджело «Давид» находится во Флоренции, в Академии. Но две ее копии, с поднятой к плечу рукой, одну – белого (теперь серого) мрамора, на пьесте Синьории, в центре города, и вторую – на площади Микельанджело, около церкви Сан-Миньято, может увидеть каждый. Мне указал на этот жест П.П. Муратов. Великий скульптор и архитектор был членом одного из тайных обществ своего времени. Этот же жест сделал Н.И. Бухарин, приветствуя свою аудиторию (русских эмигрантов) в Праге, в 1935 г. (См. Архивные материалы: Маклаков).

буквы означают, как мы уже знаем, Великую Ложу Франции. В книге мы находим некоторые подробности об отношениях братьев между собой: они пользуются прикосновениями, они употребляют священные слова и пароли при встречах (некоторым – тысяча лет), они подают друг другу знаки, непонятные профану, они скрыто носят на себе регалии.

Регалии состоят из звезд, тесьмы, треугольников, лент, цепей, шнуров и крестов (в том числе мальтийских). Они носят на груди. Нашивки бывают на рукавах и воротниках. Смысл их должен быть известен – научиться ему полагалось между 1 и 2 градусами.

Передо мной другая книга, напечатанная во французской типографии в Париже, в двух изданиях. Они идентичны, но одно напечатано в 1887, другое в 1907. В продажу книга никогда не поступала. Первое издание в переплете, второе – без. На книге печать Великого Востока Франции. Год 5772. Второе издание имеет в конце «удостоверение в подлинности» (constatation d'authenticite). Это – руководство Верховного Совета для Франции и ее заморских владений. На титульном листе напечатано: «Инсталляция Мастерских. Торжественное открытие Храма. Банкеты. Похоронный ритуал». Здесь же – глаз в треугольнике, основной масонский символ. Имя автора отсутствует. Теперь, когда вышли в свет десятки книг о масонстве и о масонских ритуалах – посвящении, исключении (радиации), повышении в высшую степень, обряде похорон или мемориальных церемониях, после того, как тайн не осталось, эта книга кажется анахронизмом, но мы должны помнить, что русские масоны 20 века имели под рукой только такие руководства, которые в открытую продажу не поступали.

Перевод сделан мной, без стараний сделать текст более «литературным», чем он есть, и без изменения несколько хаотичного плана глав.

IA.

ПОСВЯЩЕНИЕ В ПЕРВЫЙ ГРАДУС. ЦЕРЕМОНИЯ

1. До посвящения.
2. Украшение храма.
3. Первый градус, его смысл.
4. Как проводить ритуал для 1°.
5. Предварительное обучение кандидата.

Требования к кандидату:

1. Безупречная нравственность.
2. Средства к существованию.
3. Возраст кандидата – 21 год.
4. Образование: достаточное, чтобы понимать масонское учение.
6. 6 месяцев проживания в месте, где находится ложа.

Угроза исключения, если:

1. Брат обесчестил себя – нарушил обещания, которые дал во время посвящения.
2. Не делал взносов. Его учат:

Как делать знак правой рукой. Рукопожатие.

Ходьбе, – с левой ноги.

Троекратно восклицанию: Хуззай!

Ему вручают: Передник.

Ему сообщают: Пароль, смысл молотка, знаки отличия, ритуал, символику внутреннего убранства храма, а также распределение мест.

IB

Собрания состоят из: чтения протокола последней сессии, введения гостей, обсуждения очередных дел и полученной корреспонденции (письма без подписи не читаются, они тут же сжигаются). Обсуждение очередного кандидата. Утверждение приема новичка (голосованием шарами).

Профан подвергается испытаниям. Весь допрос он вызубрил наизусть. Производится допрос 1, 2 и 3°. Если кандидат принят, считается, что возраст его при вступлении в масонство – три года. Клятва. Соблюдение тайны, подчинение Ордену, верность Ордену. «Если не сдержу – то понесу заслуженное наказание за мой возмутительный проступок и приму чувство омерзения ко мне моих братьев».

Обязанности:

- Соблюдать тайну.
- Работать во славу масонства.
- Любить братьев.
- Помогать бедным.
- Следовать справедливости.
- Любить родину и семью.
- Иметь уважение к самому себе.
- Подчиняться Уставу. Быть верным Великому Востоку.
- Понести наказание за нарушение клятвы и заранее согласиться на то, чтобы его имя было навсегда вычеркнуто из памяти братьев.

II

Всеобщие выборы: правила выборов Досточтимого Мастера и должностных лиц ложи.

III

Церемония: Сообщение паролей на ближайший семестр. Список их нацепляется на шпагу. Три удара молотком. Все поворачиваются лицом к Востоку.

IV

Прекращение работ: закрытие сессии. Из рук в руки переходит мешок для предложений. Если они не подписаны, Досточтимый сжигает их. Если они подписаны – их обсуждают. Сбор денег в мешок.

В чем состоит обучение? Эта глава объясняет, как ученика подготавливают ко 2-му °, (Два года)⁴⁸.

⁴⁸ Сроки для повышения были следующие: От 3° до 9° – два года, от 9° до 14° – 9 месяцев, от 14° до 16° – 2 мес. и от

V

ПОСВЯЩЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ГРАДУС. ЦЕРЕМОНИЯ

Повторение церемонии посвящения в первый градус. Затем – экзамен.

О пяти чувствах.

Об искусстве и его социальной пользе.

Науки (математика, физика, естественные науки, нравственность, общественные науки).

Благодетели человечества: художники, изобретатели, люди искусства, ученые, моралисты, политические деятели.

Прославление труда.

Разъяснение эмблем. Полярная (или Северная) звезда – звезда свободной мысли, отсутствия суеверий и предрассудков.

VI

ПЕРЕХОД В ТРЕТИЙ ГРАДУС. ЦЕРЕМОНИЯ

Переход в 3°. Повышение в градусах называется «повышением жалованья». Усложнение символики, устной и в движениях. Возглас: «Мы – дети Хирама, сына вдовы!»⁴⁹.

VII

Устройство Мастерской. Ритуал ее открытия.

Открытие храма. Ритуал.

Агапа (банкет). Стол – подковой. В середине – Восток, место Мастера. Направо от него – 1-й Наблюдатель (Эксперт). Налево – 2-й Наблюдатель и Дародатель.

Секретарь, Оратор, Казначей, Мастер банкета, Церемониймейстер. У каждого – в руках шпага. Сложный ритуал при посадке каждого. Все встают каждый раз и опять садятся.

Специальный брат вносит предложения, за чье здоровье пить. После этого официальная часть заканчивается.

16° до 18° – 4 месяца. На этом иерархия Великой Ложи кончалась. Иерархия Великого Востока после 18°, в зависимости от заслуг братьев, шла до 33°.

⁴⁹ Хирам – один из строителей храма Соломона.

VIII

Похоронная церемония. Минимум один раз в три года проводится заседание памяти умерших. Брат Оратор берет себе в помощники других братьев. На черных занавесах, покрывающих стены храма – надписи:

В каждой колыбели – зерно могилы.

Сегодня – живые, завтра – мертвые.

Жизнь – работа, смерть – отдых.

Катафалк, в виде пирамиды, впереди, в центре. Все – в черном. Четверо стоят у (символического) гроба. Гроб называется «символическая цель».

Гости из других лож сидят тут же. Ритуальные жесты: «Цепь единения». Речи Оратора и его помощников⁵⁰.

При посвящении кандидата в ученики, ему задают следующие вопросы: Что такое Свобода? Равенство? Братство?

При переходе из 1-го во 2-ой градус задаются вопросы несколько сложнее:

Вопрос: Как следует приветствовать братьев?

Ответ: Ковшом, полным до краев раскаленных углей. (Ковш – стакан; раскаленные угли – вино).

При переходе ученика в подмастерье его спрашивают: «Откуда он пришел? Куда он идет? Каким способом он туда дойдет?»

Для того, чтобы стать Учеником, требовалось свидетельство Префектуры о несудимости; голосование производилось, как когда-то в России, шарами. После экзамена ученику вручали лист, где перечислялись некоторые особые масонские события: раз в год – торжественная агапа в день солнцестояния. Непосредственно за этим в книге идет любопытная глава о масонском воспитании детей. Среди прочих масону разрешенных действий мы находим также и «одновременное состояние брата в двух Уставах». От него требуется при этом «соблюдать дружбу в строгих правилах этикета». Этот пункт относится к уже упомянутым «прикосновениям»: в нем говорится о границе, которую необходимо провести не только в прикосновениях мужчины к женщине, но и мужчины к мужчине.

«Гостями», которые приглашались на сессии и агапы, назывались не просто знакомые профаны, а друзья из других лож и Уставов. Такие визиты поощрялись – никаких ограничений в этом я не нашла.

«Трудами» называлось то, что делалось на сессиях: сперва читался отчет последнего собрания, затем обносили мешок, затем обсуждали кандидатов, голосовали, выбирали делегатов в Совет и Конвент. Иногда читали доклады, принимали новичка или говорили над-

⁵⁰ Хотелось бы обратить внимание читателей этой книги на некрологи, которые в течение пятидесяти лет писались – сначала в России, а потом в эмиграции – о масонах. Их писали масоны. Начну со случая, теснейшим образом связанного с этим наблюдением: в одном из своих писем Б.И. Николаевскому, в конце 1940-х гг., Маклаков сообщил ему из Парижа в США о погибших в немецких лагерях или убитых во Франции русских. Он дает ему список: Мать Мария, Пьянков, Бунаков, Апостол, Трахтерев, Вольфсон, Левин. Здесь, кроме матери Марии, все названные – масоны. Читатель в недоумении остановится перед таким перечнем: а где же все остальные? О них нет ни слова. Раиса Блох, Михаил Горлин, Вика Оболенская, Ариадна Скрябина, Вильде-Дикой, Клепинин, Рафалович, О.Б. Марголина-Ходасевич, Левицкий, Л.С. Гавронская... Все забыты! Маклаков не пишет, что он дает только имена «друзей» или близко знакомых. Он не дает объяснения этому странному поступку. Но когда мы обратимся к некрологам, то перед нами возникнет картина еще более разительная: Тыркова пишет некрологи о Шаховском, Маклакове; Карпович – о Кусковой, Авксентьеве; Вакар – о Демидове; Керенский – о Карповиче; Гурвич – об Осоргине; Газданов о Тер-Погосяне; Мабо – о Федорове; В. Оболенский – о Юрeneuve; историк Н. Андреев – об Элькине... И это информация – из одного или двух эмигрантских периодических изданий. Можно легко найти десятки примеров. Газета «Возрождение» следовала этой традиции, только в «Последних новостях», где часто сам редактор, Милуков, писал некрологи, можно найти некрологи о масонах, написанные «профанами».

гробные речи об умершем брате; тогда стены затягивались черной материей и вешались траурные эмблемы в память брата, уснувшего на Востоке Вечном.

Все было основано на строгом регламенте: посвящение, исключение, повышение в степени, выборы Мастера. Церемония посвящения была сложной, церемония повышения – тоже. Диалог, который велся между Мастером и братом, должен был быть выучен этим последним наизусть. Первый Эксперт (или Секретарь) помогал Мастеру вести церемониал, а Первому Секретарю помогал Мастер Церемоний (или Церемониймейстер). Все действующие лица имели в храме свои постоянные места: Досточтимый сидел на Востоке, два Великих Эксперта (Секретаря) сидели по двум сторонам его. Они же иногда назывались Надзирателями: они смотрели за порядком и производили подсчет при выборах.

Все эти высокие должности часто в русском переводе называются по-разному: масонский словарь – вещь совершенно неустановленная. В разных документах можно встретить различные названия применительно к одним и тем же должностям. Возможно, что здесь играет роль конспирация, но возможно, что это просто небрежность, безразличное отношение к слову. Не исключено, что разнобой происходил и от того, какой из двух традиций – славянской или западной – следовал автор, переводя должность брата, сочиняющего меню ближайшей агапы, либо как «дародатель», либо как «церемониймейстер».

В списке, который дается ниже, читатель увидит последствия обеих традиций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.